

Так случается всегда

Автор:

Эми Хатвани

Так случается всегда

Эми Хатвани

Не только о любви

Эмбер и Тайлер были неразлучны еще со школьных времен. Они все делали вместе, оберегали и поддерживали друг друга в самые тяжелые моменты. Однако на протяжении многих лет Тайлер втайне надеялся, что в один прекрасный день сумеет завоевать сердце девушки и доказать – они идеальная пара. И однажды его мечта практически сбылась: окрыленная алкоголем и раздумьями о том, не рановато ли она решила выйти замуж, Эмбер целует лучшего друга. То, что случается потом, навсегда переворачивает их жизни.

Эми Хатвани

Так случается всегда

© Болятко О., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Тайлер

Я не вижу пистолета, пока тот не оказывается направленным прямо на меня.

– Поезжай, – говорит она, наклонившись ко мне.

Мы сидим в салоне моей машины, я за рулем, а Эмбер на пассажирском месте. Ее рука дрожит, не знаю почему – то ли от неуверенности, то ли просто из-за веса пистолета.

Я нервно моргаю.

– Эмбер, стой!

– Заткнись.

Ее голос твердый, как камень. Большим пальцем она взводит курок, я дергаюсь в сторону и прижимаюсь к окну. Мои плечи непроизвольно поднимаются, и я снова бессильно произношу ее имя.

– Я сказала, чтобы ты заткнулся! – повторяет Эмбер. На этот раз пронзительным и истерическим голосом. Кивнув головой в сторону выезда со стоянки, она говорит: – Трогай.

Ее указательный палец покоится на спусковом крючке. Одно неловкое движение, и все может быть кончено.

Я выпрямляюсь на сиденье и пытаюсь перевести дыхание. «Делай то, что она говорит». Я вставляю ключ в замок зажигания, поворачиваю его, и мотор оживает. Громкий звук радио на мгновение ошеломляет нас обоих, и Эмбер поспешно выключает его. По моему лбу скатывается капелька пота, несмотря на пронизывающий холод. На дворе начало ноября, и мне внезапно приходит в голову, что прошел уже почти год после того дня, когда Эмбер приехала домой на Рождество и обнаружила меня сидящим у ее родителей. С тех пор произошло много всего. Все изменилось.

Я выезжаю на улицу, говоря себе, что кто-нибудь из моих коллег, сидящих в красном кирпичном здании, видел нас вдвоем и что-нибудь в ее поведении или в

выражении лица насторожило их. Кто-нибудь последует за нами или хотя бы вызовет полицию. Но, не успев толком подумать об этом, я уже понимаю, что надежды напрасны. Мой напарник Мейсон уже отправился домой, к жене и дочери. Дежурная бригада парамедиков находится в гараже, за закрытыми дверями, проверяет снаряжение. Пожарные либо спят в комнате отдыха, либо занимаются в спортивном зале, коротая время. Работая в службе спасения, мы привычны к кризисам, и наши тела сразу же реагируют на них. Мы спешим к месту катастрофы, а не убегаем от нее. Но мы не стоим у окон, оглядывая окрестности, рассчитывая увидеть, когда же произойдет бедствие.

Когда я вышел из здания на улицу и увидел Эмбер, поджидавшую меня на слабо освещенной стоянке, во мне вспыхнула искорка надежды, что было глупо с моей стороны.

– Нам нужно поговорить, – сказала она.

Я кивнул, обратив внимание на то, что давно уже не видел ее такой худой. Лицо казалось изможденным, щеки ввалились, а под огромными карими глазами образовались темные круги. Тонкие каштановые волосы были спутаны, а огромная черная лыжная куртка подчеркивала худобу ног. Веса Эмбер не более ста фунтов[1 - 1 фунт = 0,4536 кг (здесь и далее примечания переводчика)]. Меньше она весила лишь девять лет назад, когда ей было пятнадцать и она лежала в больнице. Тогда она весила восемьдесят два фунта.

– Выезжай на шоссе, – говорит Эмбер, убирая палец с курка и кладя пистолет к себе на колени.

Теперь она смотрит прямо перед собой, и в полумраке салона невозможно разглядеть выражение ее лица и угадать, о чем она думает.

– Поезжай на юг.

– Не стоит этого делать, – говорю я, надеясь, что смогу хоть немного образумить ее. – Ты сказала, что нам нужно поговорить. Так, пожалуйста... давай поговорим.

– Просто поезжай туда, куда я сказала.

Она снова поднимает пистолет и направляет на меня. Теперь она держит его уже двумя руками, а палец вновь ложится на курок.

– О'кей, о'кей! Извини. – Знакомое щемящее чувство паники охватывает меня. Я прихожу в ужас при мысли о том, что может произойти, если палец непроизвольно дернется. – Тебе не понадобится оружие.

Ее глаза сужаются до щелочек.

– Не указывай мне, что мне понадобится.

Она тычет дулом пистолета мне в ребра и снова взводит курок.

Я судорожно глотаю воздух и резко бью по тормозам, останавливаясь на светофоре. Мои глаза начинают шарить по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь, кому я мог бы подать сигнал о том, что мне срочно нужна помощь. Но в три часа ночи в сонном университетском городке на улице нет ни одной машины.

Нервы напряжены до предела, и вдруг в голове звучит глубокий голос моего отца:

– Не бездействуй, сын. Сделай что-нибудь.

Загорается зеленый сигнал, и Эмбер крепче упирается дулом мне в ребра. Я нажимаю на педаль газа, размышляя о том, что стал бы делать отец в такой ситуации. Я представляю, как он резко хватает Эмбер за заднюю часть шеи и ударяет ее лицом о приборную панель. Я представляю, как он сжимает свои толстые пальцы в кулак и наносит ей удар прямо в голову.

Но я не хочу причинить ей боль. Я уже и так это сделал. Я хочу, чтобы все вернулось назад, к тому времени, когда мы только познакомились. До развода моих родителей, до ее болезни. До того, как мы сначала отдалились друг от друга, а потом сблизились сильнее, чем прежде. Это случилось в прошлом июне, когда она вернулась домой на каникулы с обручальным кольцом на пальце. Я хочу повернуть время вспять, стереть из памяти ту ночь, когда мир обрушился. Я хочу стереть все, что пошло наперекос.

– Я ненавижу тебя, – говорит она, и в ее голосе звучит отвращение. – Я чертовски ненавижу тебя.

Я морщусь, подозревая, что заслужил и это отвращение, и пистолет, упирающийся в ребра. Может быть, я заслужил даже пулю в сердце. Я сворачиваю на шоссе, нажимаю на газ и, не зная, в чем состоит план Эмбер, говорю:

– Я знаю. Я сам ненавижу себя.

Эмбер

Было уже за полночь, когда я повернула на улицу, на которой стоял дом моих родителей. Я собиралась провести с ними рождественские каникулы и приехала на три часа позже, чем обещала. Въехав на посыпанную гравием дорожку, ведущую к дому, я выключила фары, как я часто делала в школьные годы, надеясь проскользнуть домой незамеченной. Возможно, сейчас это не имело значения, поскольку я уже четыре года училась в университете, но я была уверена, что родители ждут меня. Они сидят за столиком на кухне, мама пьет чай с мятой, а отец держит в руках стакан с виски. И на их лицах можно прочесть тревогу.

– Где ты была? – сердито спросит папа, когда я наконец войду в дом. – Твоя мать и я места себе не находили.

– Простите, – пробормочу я, сунув руки в карманы и опуская глаза.

Я знаю, что извиняться бесполезно; лучше сделать вид, что я чувствую себя виноватой, и пообещать больше никогда так не делать. Я понимаю, что их тревога была лишь следствием того, что я была их единственным ребенком, да к тому же ребенком, который едва не умер. Я родилась на девять недель раньше срока в результате экстренного кесарева сечения, и когда меня, неподвижную, достали из материнского живота, я не кричала так, как должен кричать новорожденный ребенок. Я не могла кричать, потому что не дышала. Неонатальная бригада сразу же взялась за меня и принялась накачивать воздух

в мои легкие, в то время как моя мать рыдала на операционном столе, боясь потерять меня, а отец сжимал ее руку и снова и снова говорил ей, что все будет хорошо.

– Ты чуть не умерла, – сказала мама, когда в первый раз поведала мне эту историю. Ее глаза, такого же зеленовато-орехового цвета, как и мои, наполнились слезами, когда она показала фотографию, на которой я была изображена в кювезе, который она назвала инкубатором. Там я провела первые два месяца своей жизни. Я была поражена, увидев, какой маленькой была – всего три с половиной фунта, и мои вены просвечивали через прозрачную кожу, как тоненькие голубые реки на географической карте. – Им буквально пришлось запускать твое сердце, – сказала мама. – То, что ты выжила, было просто чудом. Ты чудо, моя сладкая. Никогда не забывай об этом.

Тогда мне было семь лет, и я кивнула в ответ на это. Я хотела, чтобы она думала, будто эти слова побудили меня чувствовать себя драгоценной и особенной. Но то, что, по словам матери, мое рождение было чудесным, заставило меня почувствовать себя неловко. Я подумала, что мне придется сделать что-то необыкновенное, быть необыкновенной, чтобы оправдать свое появление на свет. Родители решили больше не заводить детей из-за этой истории. Вместо этого они сосредоточили на мне всю свою энергию, все свои надежды и мечты.

Я вздохнула, выключая двигатель и вспоминая тот единственный случай, когда я оказалась в больнице. Я лежала на неудобной кровати, опутанная проводами и трубками, подключенными к мониторам. Это был тот случай, когда я сделала выбор, в результате которого чуть не умерла сама и едва не разбила сердца своих родителей. Я крепко зажмурилась, словно этим могла прогнать тяжелые воспоминания. «Мне теперь лучше. Я теперь уже совсем не та, что была», – сказала я себе.

Взяв с пассажирского сиденья рюкзак и мобильный телефон, я посмотрела на уютный двухэтажный особнячок в викторианском стиле. В этом доме я провела первые восемнадцать лет своей жизни. Черные декабрьские тучи скрывали луну, но света уличных фонарей было достаточно, чтобы осветить построенный сто лет назад дом, который родители старательно обновляли по мере того, как им это позволяли время и деньги. Они заменили водопровод, электропроводку, а когда все комнаты были отремонтированы и приведены в порядок, отциклевали и покрыли лаком светлые, сделанные из кленового дерева полы. Снаружи дом был выкрашен в яркий голубой цвет, а веранда, которая окружала его со всех

сторон, и крутые карнизы – в белый. Сейчас они были украшены множеством сверкающих лампочек. И пускай последние несколько лет, которые я провела здесь, не напоминали волшебную сказку, особнячок все еще выглядел так, словно сошел с картинки детской книжки. И он всегда будет тем местом, которое я могу называть своим домом.

Перебросив лямку рюкзака через левое плечо, я открыла багажник, вытащила черный чемодан и поставила его на землю. Мне не терпелось оказаться внутри, взобраться по ступенькам и проскользнуть в свою детскую спальню. Все то время, пока я училась в университете в Пульмане, мама ничего не меняла в этой комнате. Я была уверена, что она надеется на то, что через шесть месяцев после окончания университета я вернусь в Беллингхэм и снова поселюсь у них. Но, по правде говоря, если бы у меня был выбор, я даже на Рождество не стала бы приезжать домой. После тяжелых выпускных экзаменов хотелось лишь одного – сидеть в обнимку с Дэниэлом и обсуждать наши планы. Мы собирались следующей осенью переехать в Сиэтл. Дэниэл планировал поступить в Медицинский университет штата Вашингтон, а я хотела получить диплом магистра в Американском институте спортивной медицины. После получения диплома я смогла бы осуществить свою мечту – работать с профессиональными спортсменами. А точнее, с командой «Сихокс», за которую с детства болела вместе с отцом. Но вместо того чтобы провести каникулы со мной, Дэниэл полетел в Денвер повидать свою семью, а я упаковала вещи, чтобы поехать домой навестить родителей. Мы с ним встречались с июля, после того как познакомились в спортивном зале, но наши отношения уже были довольно серьезными. Настолько серьезными, что когда мои родители приехали ко мне на День благодарения, я познакомила его с ними, чего раньше никогда не делала с другими бойфрендами. Все мои прежние увлечения были короткими – несколько недель, самое большее месяц. Но с Дэниэлом мы проводили ночи вместе в течение почти четырех месяцев, иногда у него, иногда у меня, и мысль о том, что нужно разлучиться на каникулы, была для меня мучительной.

Я вошла в дом через черный ход, закрыла за собой дверь и отправила Дэниэлу сообщение: «Я уже дома. Безумно по тебе скучаю».

Войдя в кухню и поставив рюкзак на стул, я огляделась по сторонам, прислушиваясь, не скрипнет ли наверху пол, что будет означать, что родители еще не спят. Мой телефон пикнул, но прежде, чем я успела разблокировать его, со стороны дивана, стоявшего в расположенной рядом с кухней гостиной, донесся глубокий голос.

– Привет, Эмбер, – услышала я и выронила телефон, который со стуком упал на деревянный пол. Я прижала руку к сердцу, чувствуя, как оно выпрыгивает из груди.

– Господи! – сказала я. Посмотрев туда, где стоял диван, я увидела очертания хорошо знакомой мне светловолосой головы. Протянув руку, я включила свет, чтобы рассмотреть его лицо. – Тайлер! – воскликнула я. – Ты меня до смерти напугал!

– Извини, – сказал он. Поднявшись с дивана, он направился ко мне, и я снова была удивлена тем, как он изменился с тех пор, как одиннадцать лет назад его семья поселилась в нашем городке. Тогда он был долговязым неуклюжим подростком со слишком большими руками и ногами. Теперь, в двадцать пять лет, его рост достигал шести футов и двух дюймов[2 - 1 фут = 12 дюймов = 30,48 см. 1 дюйм = 2,54 см.], его плечи были широкими, а ноги и руки – мускулистыми. Он казался более молодой и более симпатичной версией своего отца. У него были полные губы, сильный подбородок и резко выделявшиеся скулы, привлекавшие внимание к его глазам. Мне было трудно привыкнуть к тому, что этот сильный, красивый мужчина был тем самым застенчивым неловким парнишкой, с которым я вместе росла.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

Хотя не было ничего необычного в том, что Тайлер чувствовал себя у нас как у себя дома. Он тоже был единственным ребенком в семье, и после того, как его родители развелись и его мать Лиз пошла работать на полный рабочий день, Тайлер часто проводил вечера в нашем доме, когда она задерживалась в своей аптеке при больнице. Мы с ним часто вместе делали домашние задания, после чего он ужинал с нами, а иногда даже оставался ночевать на диване, если Лиз приходилось дежурить ночью. Во время футбольного сезона он обычно проводил все воскресные дни и вечера за просмотром матчей вместе со мной и моим отцом. Тайлер бывал у нас так часто, что мама начала считать его почти что своим сыном. Но когда я гостила у родителей в последний раз, мы расстались с ним не в лучших отношениях, поэтому сейчас, увидев его в нашем доме, я почувствовала себя немного неловко.

– Твои родители пригласили меня и маму поужинать с ними, – сказал он. – Они уже пошли спать, потому что я пообещал им, что дождусь тебя и удостоверюсь, что с тобой все в порядке. – Он обнял меня. – Рад тебя видеть.

– Я тоже.

Я повернула голову, так что моя щека оказалась прижатой к его груди. Его тело было крепким и теплым, а от его сорочки пахло сладким, но в то же время земляным запахом одеколона. Прежде он не пользовался парфюмом, и мне сразу же пришло на ум, что у него появилась подружка, которая и купила ему духи. Или, может быть, он купил их сам ради нее. И если он начал с кем-то встречаться, это сильно упростит дело.

Я отступила на шаг и подняла с пола телефон, посмотрев на экран, чтобы проверить, не означал ли звуковой сигнал, который я услышала несколько мгновений назад, ответное сообщение от Дэниэла.

«Тоже скучаю по тебе, детка. Не могу спать без тебя. Я тебя люблю».

Мои щеки покраснели, когда я читала эти слова, и я заметила, что Тайлер напряженно смотрит на меня. Прошлой осенью, когда я приехала к родителям по их настоянию на День труда[3 - Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.], мы с Тайлером ходили в субботу вечером ужинать в кафе, а потом отправились к нему домой. Одним глазом глядя на экран телевизора, где показывали футбольный матч, мы с ним долго болтали, и я рассказала ему про Дэниэла. Он отреагировал на мои слова без особого энтузиазма.

– У вас это серьезно? – поинтересовался он.

– Не знаю, – ответила я. – Пожалуй, все к этому идет. Мне он нравится.

– Но что это за парень? – спросил он. – Как давно ты с ним знакома? Ты разговаривала с его прошлыми подружками? Или с его друзьями? Ты хотя бы погуглила его в Интернете?

Он стал забрасывать меня подобными вопросами, пока я не возмутилась.

– Знаешь что, Тай, это не твое дело, – сказала я. – Я натерпелась подобного дерьма от родителей.

Тайлер нахмурился:

– Просто я волнуюсь за тебя.

– Нет. Ты просто ревнуешь, – парировала я. Но, увидев, как поникли его плечи и исказилось в гримасе боли лицо, я поняла, что ударила по чувствительному месту.

Он опустил глаза и откинулся на сиденье.

– Тай, послушай, я не хотела.

– Я думаю, что тебе лучше уйти, – оборвал он меня. Он поднял на меня светлые ярко-голубые глаза, потом, не сказав больше ни слова, встал, прошел в свою спальню и захлопнул дверь. Спустя секунду раздался гулкий удар, за которым последовал еще один, потом еще. Я не знала, что он делает – может быть, бьет кулаком по стене, – но было понятно, что если я пойду за ним, это только ухудшит ситуацию.

В тот вечер я вернулась в дом родителей, а на следующий день уехала в университет. И с тех пор я старательно избегала возможных осложнений с Тайлером, желая сохранить непринужденные отношения. Я знала, какой он ранимый, и, безусловно, не хотела еще раз причинить ему боль.

И теперь, стоя рядом с ним на кухне, я надеялась, что его предложение дожидаться меня было способом показать, что все между нами обстоит хорошо.

– Итак, – сказала я, – как дела?

– Ты бы знала это, если бы отвечала на мои сообщения не только одними смайликами, – ответил он шутливо, но в его голосе слышался легкий упрек.

– Знаю, знаю, сдаюсь, – сказала я, поднимая руки. – Я плохой друг. Но у меня просто сумасшедший график. И смайлики – единственное, на что у меня остается время.

Это было почти правдой. Кроме учебы я еще работала тренером в тренажерном зале, расположенном рядом с моей крохотной квартиркой. Клиентами были по большей части мамочки, старавшиеся вернуть былую фигуру после родов. Или пожилые женщины, мечтавшие замедлить неумолимый бег времени. Ни те ни другие не вписывались в мои карьерные ожидания. Но я старалась смотреть на эту работу как на стартовую площадку, к тому же мне за нее неплохо платили. Я могла сама устанавливать свой рабочий график, и, честно говоря, мне нравилось видеть, как эти женщины меняются. Снижают вес, наращивают мышцы... И это постоянно напоминало мне о том, что потраченные усилия всегда влекут за собой награду.

Тайлер молчал и неловко переступал с ноги на ногу, стараясь не смотреть мне в глаза. Словно он тоже не знал, как вести себя после того разговора, который мы оба пытались забыть.

Я зевнула, прикрывая рот ладонью.

– Прости, – пробормотала я. – Это был длинный день.

Я знала, что нам следовало бы выяснить отношения, но была слишком уставшей для этого.

– Нужно дать тебе отдохнуть. Утром мы идем за елками.

– О господи! – простонала я. – Во сколько?

Каждый год обе наши семьи отправлялись вместе за рождественскими елками. По дороге мы пили обжигающее рот горячее какао, закусывая масляным печеньем. Родители делали это со дня моего рождения. И мы стали приглашать составить нам компанию Лиз и Тайлера после того, как бывший муж Лиз, Джейсон, перебрался на другой конец города и поселился в кондоминиуме в Фэрхейвене. И только потеря конечности или смертельная болезнь могли бы служить оправданием для пропуска этого мероприятия. И даже в этом случае моя мама наняла бы инвалидную коляску и вколола бы мне морфий, чтобы я не прозевала такое важное событие. Мама обожала всякие традиции.

– Мы встречаемся в десять, – улыбнулся Тайлер. – Я рад, что ты дома.

Он подхватил куртку, лежавшую на спинке дивана, и исчез так же внезапно, как и появился.

Сколько я себя помню, мама будила меня по утрам одним и тем же способом. Я лежала, свернувшись в клубочек, под грузом одеял, а она забиралась ко мне в кровать и крепко обнимала меня.

– Доброе утро, солнышко, – шептала она мне на ухо. – Пора вставать, моя сладкая.

Она клала руку мне на бедро, несколько раз хлопала по нему, потом нежно тормошила меня. А если я никак не реагировала, она трясла меня уже сильнее.

Когда я была маленькой, мне очень нравилось чувствовать ее тело, крепко прижавшееся ко мне, и вдыхать аромат ванильного лосьона, который она всегда использовала после душа. И если я просыпалась раньше, чем приходила она, я притворялась спящей, чтобы ощутить тепло ее тела и почувствовать себя в безопасности в ее объятиях. И лишь когда я училась в старших классах школы, я начала заводить будильник, чтобы вставать с кровати раньше, чем она придет. Мне хотелось быть взрослой и самой управлять своими поступками, пусть даже в такой малости, как где и как я начну свой день.

Так что даже теперь, когда мне исполнилось двадцать четыре года, какая-то часть меня воспротивилась, когда наутро после моего приезда я почувствовала, как она ложится в мою кровать.

– Доброе утро, солнышко, – прошептала мама. – Пора вставать, моя сладкая.

– Мам... еще рано, – простонала я, до самого подбородка натягивая на себя одеяло.

Несмотря на то что вечером я была очень уставшей, встреча с Тайлером выбила меня из колеи, и я долго не могла заснуть. И меньше всего этим утром мне хотелось вылезать из постели и тащиться в лес.

– Уже почти десять, моя хорошая, – сказала мама. Она крепче прижала меня к себе. – Когда Тайлер рассказал мне, как поздно ты добралась до дома, я решила дать тебе поспать подольше. Он и Лиз уже здесь, пьют кофе. – Она сделала паузу. – И я испекла булочки с корицей.

Я подавила вздох, понимая, почему она намеренно упомянула булочки. Без сомнения, пока я гощу у них, мне придется есть все, что приготовит моя мама. Иначе она будет следить за каждым куском, который я отправляю или не отправляю в рот. Сама я обычно готовила еду на всю неделю по воскресным вечерам. В меню входили запеченные куриные грудки или лососина, коричневый рис, салат из капусты, жареный миндаль и низкокалорийный сыр. Но здесь мне не удастся так питаться. Придется есть все, что бы она ни приготовила, и постараться как можно больше двигаться, чтобы сжечь лишние калории.

Я перекатилась на спину и посмотрела на мать, с трудом разлепив глаза. Она уже была одета в джинсы и толстый голубой шерстяной свитер. Рыжие волосы были небрежно заколоты в пучок на затылке, и в них я заметила серебряные ниточки, которых не было, когда я в прошлый раз приезжала домой.

– Разве мы обычно не ходим за елками после обеда?

– Хорошая попытка, но мы всегда делаем это по утрам. Так что тебе придется встать.

Она обняла меня и крепко прижала к себе. Я заворчала, но обняла ее так же крепко, возвращаясь в былые годы и испытывая то же чувство безопасности. Какими бы ни были мои разногласия с родителями, наша любовь друг к другу всегда была неоспоримой. Мама поцеловала меня в лоб и встала с кровати, а потом сдернула с меня одеяло.

– Ой! – воскликнула я.

Лежа на боку, я поджала колени к груди и обхватила их руками, защищаясь от холодного воздуха. На мне был лишь крошечный топ и трусики, и мне стало любопытно – не для того ли она стащила с меня одеяло, чтобы проверить – как она делала почти каждый день после того, как я вышла из больницы, – не напоминают ли мои ребра ксилофон и не торчат ли мои тазовые кости.

Очевидно то, что она увидела, удовлетворило ее, потому что она не сделала никаких замечаний.

– Хватит валяться. Мы хотим выйти из дому самое позднее в одиннадцать часов. В четыре Тайлер должен быть уже на работе, поэтому нам нужно вернуться к этому времени.

Я знала, что спорить с ней бесполезно, поэтому когда она ушла, я вылезла из кровати и направилась в ванную, расположенную напротив моей комнаты.

– Оденься потеплее! – прокричала мама, спускаясь по лестнице. – Сегодня обещали не более тридцати четырех градусов![4 - Примерно один градус тепла по Цельсию.]

«Обрадовала», – подумала я, закрывая за собой дверь в ванную. Я немного попрыгала и сделала несколько приседаний, чтобы окончательно проснуться. Если повезет, я смогу днем сделать пробежку и, может быть, даже схожу в тренажерный зал.

Мне понадобилось лишь десять минут, чтобы одеться и спуститься вниз. Мой жесткий график, когда я должна была успевать везде – и на занятия, и на работу, – научил меня сводить сборы к минимуму: собрать волосы в хвост, наложить тушь на ресницы и увлажнить губы блеском, чтобы освежить лицо. Войдя в гостиную, я услышала голоса, доносившиеся из кухни. И не успела я поздороваться, как отец, стоявший у двери, обернулся и схватил меня в охапку.

– Привет, пап, – сказала я и чуть не расплакалась. До того, как приехала домой, я и не подозревала, как сильно скучала по родителям.

– Привет, малышка.

Он отстранился и взял меня за плечи своими сильными пальцами. Какое-то время он изучающе смотрел на мое лицо темно-синими глазами, в то время как я незаметно бросила взор на его пивной живот, который за прошедшие месяцы увеличился на несколько дюймов. Отец не был высоким мужчиной – при росте в пять футов и десять дюймов он был всего на четыре дюйма выше меня. Но он был крепко сложенным и сильным, и в его присутствии я чувствовала себя защищенной от всех невзгод. Благодаря черным волосам и широкой улыбке он

был все еще красив, но я опасалась, что лишний вес плохо сказывается на его сердце. Может быть, позже я заманю папу в тренажерный зал или уговорю отказаться от масляного печенья. Я часто с трудом сдерживала себя, чтобы не пожурить мать за готовку. Среди ее дежурных блюд были жареное мясо, картофельное пюре с большим количеством масла, курица в горшочке и обязательно какой-нибудь жирный десерт. И всякий раз мне приходилось напоминать себе, что раз я терпеть не могу, когда она читает мне нотации по поводу моего питания, то не стоит и мне, со своей стороны, читать нотации ей.

– Как всегда, ты красавица, – заключил мой отец.

– Безусловно, – поддержала его Лиз, сидевшая за кухонным столом с чашкой кофе в руках. – Такая взрослая!

Она улыбнулась, обнажив белоснежные зубы, контрастирующие с ее загаром. Густые, ухоженные светлые волосы спадали на плечи, а голубые глаза были аккуратно подведены черным карандашом. После того, как она развелась с Джейсоном, Лиз сменила множество бойфрендов, но все они заканчивали тем же, что и ее бывший муж. Моя мама пыталась несколько раз познакомить ее с мужчинами, которые подошли бы Лиз больше, но ее, судя по всему, привлекал лишь один типаж. Это были обладатели яркой индивидуальности и вспыльчивого характера.

Я внутренне усмехнулась, когда она назвала меня взрослой. Я уже давно была совершеннолетней. Но я знала, что в глазах Лиз я навсегда останусь пухленькой восьмиклассницей, которой я была, когда мы познакомились. Так же как и Тайлер для меня всегда останется четырнадцатилетним подростком.

– Как поживаешь, дорогая? – спросила Лиз.

– Она готовится к защите диплома, – сказала мама, отвечая вместо меня.

Она протянула мне тарелку, на которой лежала гигантская булка, покрытая глазурью. Наши глаза на мгновение встретились, и я поспешно схватила вилку и отделила от булки огромный кусок. Мама внимательно следила за тем, как я засунула этот кусок в рот и принялась жевать, стараясь не морщиться из-за густого сметанного крема, которым было начинено тесто. Проглотив этот кусок, я чуть не подавилась. Я обычно никогда не ела сладкое, за исключением

фруктов, лишь иногда позволяя себе несколько кусочков горького шоколада, да и то употребляла его только в качестве антиоксиданта.

Мама удовлетворенно кивнула и повернулась к Тайлеру:

– Уверен, что не хочешь еще одну?

– Спасибо, нет, – сказал он, похлопав живот. – Они восхитительны, но я уже и так объелся.

Он искоса посмотрел на меня, и я засунула в рот еще один кусок, запив клейкое тесто глотком черного кофе. Потом я подошла к холодильнику и вытащила оттуда несколько ломтиков жареной индейки в надежде, что белок поможет удержать в норме уровень сахара в крови и избавит меня от тошноты.

– Я думаю, Лиз лучше поехать с нами, а вы с Тайлером воспользуетесь его машиной, – сказала мама, снимая с вешалки куртку. – Я уверена, что вам есть о чем поговорить.

Она приподняла бровь и со значением посмотрела на меня. И я тут же пожалела, что рассказала о ссоре с Тайлером. Я всегда колебалась между двумя опциями – говорить ли матери все или совсем ничего. Если я рассказывала все, она сразу же чувствовала себя вправе изложить свое мнение по поводу того, как мне стоит поступить. А если я молчала, то она терзала расспросами о том, как я живу, пока меня не начинало обуревать желание что-нибудь придумать, лишь бы только заставить ее замолчать. По поводу нашей размолвки с Тайлером она сказала:

– Ты не можешь изменить того факта, что он питает к тебе более глубокие чувства, чем ты к нему. Но вы так близки. Тебе и раньше удавалось не доводить дело до разрыва. Ты сможешь сделать это и сейчас, если будешь открыта для обсуждения ваших проблем. Не отталкивай его лишь потому, что это проще, чем выяснять отношения.

Я понимала, что она права, поэтому решила продолжить наш с Тайлером разговор по дороге к елочному питомнику. Я не хотела, чтобы те две недели, которые я планировала провести дома, были омрачены его угрюмым молчанием.

Спустя несколько минут мы уже были во дворе. Стояло ясное прозрачное утро. На ярко-голубом небе не было ни облачка, и, подняв глаза вверх, я даже вынуждена была зажмуриться. Было достаточно холодно, и трава была покрыта инеем. И при каждом вздохе изо рта вырывался густой пар. К счастью, в машине Тайлера была включена печка. Когда двигатель заурчал, я поднесла руки в перчатках к вентилятору. Пальцы уже ломило после нескольких минут, проведенных на улице.

– Как дела на работе? – спросила я, когда Тайлер начал выруливать на подъездную аллею.

Я решила, что этот вопрос будет хорошим вступлением к серьезному разговору. Тайлер окончил школу на два года раньше меня и теперь работал парамедиком на «Скорой помощи» при пожарной части нашего города. Я была немного удивлена выбором такой карьеры, учитывая, что у него были очень плохие отношения с отцом, работавшим пожарным.

– Хорошо, – ответил Тайлер, не отводя глаз от дороги. – Временами бывает тяжело, но я учусь. У меня отличный напарник.

– Его зовут Марк, по-моему? – спросила я, пытаюсь припомнить, что он рассказывал о человеке, с которым работал.

– Мейсон, – поправил он. – Он классный. И большая умница. Работает в «скорой» уже восемь лет, поэтому умудряется обучать меня, при этом не заставляя меня чувствовать себя идиотом. Его жена Джия только что родила ребенка. Тебе следует познакомиться с ними, пока ты здесь.

– Обязательно, – сказала я. – Если будет время. Мама уже спланировала мой график до доли секунды. – Я произнесла это высоким голосом, подражая голосу матери. – Кулинарные занятия в девять тридцать, изготовление гирлянд для украшения елки из кукурузы и клюквы в десять сорок пять, двадцать шестой просмотр фильма «Реальная любовь» в двенадцать тридцать, перерыв на принятие душа в час тридцать.

– Если тебе повезет, – рассмеялся Тайлер.

– Я не шучу. Клянусь, она готовится к каникулам так же, как футболист готовится к новому сезону. Только ее тренировки состоят из тестирования новых рецептов и поисков в социальных сетях новых идей для украшения дома на Рождество.

Тайлер продолжал смеяться, и я решила использовать этот момент, пока мы оба были в хорошем настроении.

– Так что, мир? После того разговора в августе?

– Да, – сказал он. Его голос был тихим, но ровным. Он все еще не отводил глаз от дороги, крепко держа руль своими сильными руками. – Конечно. Я скучал по тебе.

– Я тоже.

– Я был засранцем, когда разозлился на тебя из-за того парня. Прошу прощения.

– Все нормально, – сказала я. Хотя он и назвал Дэниэла «тем парнем», а не по имени. И я в первый раз расслабилась с того момента, как встретила Тайлера накануне вечером. Это был тот самый Тайлер, которого я знала много лет – мой добрый лучший друг. В сообщениях, которые он посылал мне в прошедшие несколько месяцев, содержался намек на извинение: «Ты же знаешь, я хочу тебе только добра». Я ответила смайликом. Тайлер избегал упоминаний о том последнем вечере в его квартире, и я тоже ни разу не упомянула о нем.

– Я тоже вела себя не лучшим образом, – сказала я.

– Я это заслужил. Знаешь, я ведь просто беспокоюсь о тебе. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Как и всякий старший брат. – Я, шутя, ударила его по плечу. – Не беспокойся. Со мной все в порядке.

– Ты уверена? Все в норме? – Он посмотрел на меня, охватив меня оценивающим взглядом с головы до пят. – Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо, – сказала я, крепко сжав зубы.

Я отлично понимала, что «хорошо» означает «не слишком костлявая». Мой вес был предметом для обсуждения столько лет, что я боялась даже намеков на него. Я приложила немало усилий, чтобы не выходить за рамки определенного веса, который, по словам моего доктора, был нормальным для женщины такого роста, так что когда мои близкие переживали, что я снова начну таять у них на глазах, меня это приводило в бешенство. То, что они не могли забыть прошлое, продолжая все еще считать меня глупой девчонкой, мешало мне раз и навсегда покончить с болезнью.

– Ты тоже хорошо выглядишь, – сказала я Тайлеру. Потом решила, что можно рискнуть и спросить про личную жизнь: – С кем-нибудь встречаешься?

– Нет, – резко ответил он, и я решила оставить эту тему. – А ты все еще с Дэниэлом? – спросил он мягче, и я сочла за хороший знак то, что он назвал моего бойфренда по имени.

– Да.

– У вас все хорошо?

– Да, – ответила я.

Несмотря на то что между мной и Тайлером, казалось, все налаживается, я решила, что будет не очень умно с моей стороны распространяться о том, какие у нас с Дэниэлом чудесные отношения. И я в любом случае не собиралась говорить Тайлеру о том, что мы с Дэниэлом собираемся переехать в Сиэтл следующей осенью. По крайней мере, пока.

– Это здорово, – сказал Тайлер. – Я надеюсь, что у вас все сложится хорошо. Честно.

Он улыбнулся и кивнул, словно подтверждая свою искренность.

– Спасибо, – отозвалась я, награждая его своей самой лучезарной улыбкой. Но все равно я не могла решить, искренне ли говорил Тайлер или ради нашей

дружбы сказал именно то, что я хотела услышать.

Тайлер

Я встретил Эмбер Брайант в субботу, в праздник Дня труда, когда в первый раз пошел в школу в новом городе. Моя семья переехала из Сиэтла в Беллингхэм в последние дни августа, после того, как в результате сокращения городского бюджета мой отец вынужден был оставить службу на пожарной станции, где он проработал более десяти лет.

– Чертовы бюрократы, – пробормотал отец, получив уведомление об увольнении. – Я потерял должность, потому что проклятые либералы решили использовать деньги налогоплательщиков, чтобы поддержать этих тупых девок, которые непрерывно рожают, потому что только и умеют, что раздвигать ноги.

Мы сидели за кухонным столом и ели лазанью, которую мама приготовила, прежде чем уйти на свою работу в аптеке. Отец посмотрел на меня и погрозил мне толстым пальцем.

– Будь осторожен со всеми, с кем встречаешься, Тай. Что бы они тебе ни говорили о том, что принимают противозачаточные таблетки. Не забывай – никакого секса без презерватива.

Мне в то время было четырнадцать лет, и я кивнул, чувствуя себя неловко при упоминании о сексе, будучи не в силах отогнать картины, представшие перед глазами. Распутные девицы из эротического журнала, который я прятал под кроватью. Одетые лишь в туфли на высоком каблуке, бюстгалтеры и крошечные черные кружевные стринги. Сам не желая того, я мысленно представил, что они раздвигают ноги, и это заставило меня покраснеть и заерзать на стуле. Но я не знал, как сменить тему.

Через три месяца после этого разговора родители упаковали вещи и отправились на север. Добравшись до цели нашего путешествия, мы остановились у маленького желтого домика с двумя спальнями, который теперь был нашим. Он находился неподалеку от дома, в котором жила семья Брайантов.

И грузчики не успели выгрузить первую коробку, как мать Эмбер, Элен, появилась в нашем дворе, держа в руках тарелку с шоколадным печеньем. Она сразу же пригласила нас на праздник окончания лета.

– Он пройдет в нашем доме в эти выходные, – сказала Элен. – Надеюсь, что погода не подведет и мы сможем поплескаться в бассейне!

Она улыбнулась мне, и я сразу понял, что она мне понравится. Она была ниже ростом и немного полнее, чем моя мать, но в этой полноте и в добрых светлых глазах было что-то умиротворяющее. У нее были длинные темно-рыжие волосы и веснушки, и она была похожа на мою учительницу в младших классах, которая сказала мне, что при таком интересе к динозаврам и жукам, которыми я страстно увлекался в то время, из меня выйдет хороший ученый. Элен, казалось, была из тех матерей, которые сразу же после школы усаживают вас за стол, кормят чем-то вкусненьким и расспрашивают, как прошел ваш день. В отличие от моей матери, которая усаживала меня за стол, наливала себе бокал шардоне и рассказывала о том, как прошел ее день.

– Ты любишь плавать, Тайлер? – спросила меня Элен.

– Нет, – сказал мой отец, складывая руки на груди. – Он боится воды.

Я залился румянцем и опустил глаза.

– Джейсон, пожалуйста, – упрекнула его мать.

– Пожалуйста – что? – поинтересовался отец.

Моя мать ничего не ответила, потом с извиняющимся видом взглянула на Элен и стала объяснять ей тихим голосом:

– Тайлер очень испугался пару лет назад. Он выпал из каноэ, когда был в летнем лагере, и запутался в зарослях кувшинок. Их вожатый вытащил его с большим трудом, и с тех пор он не слишком любит плавать.

Она обняла меня рукой за талию. Я знал, что она хотела просто поддержать меня, но я отшатнулся. Отец и так уже заставил меня чувствовать себя

маленьким ребенком, и мне не хотелось, чтобы она ухудшила положение, обращаясь со мной как с младенцем.

– Ну, не страшно, – сказала Элен, – на празднике будет много других развлечений, кроме плавания. Дротики, бадминтон. И много вкусной еды! Мы здесь любим покушать! Моя дочь Эмбер пойдет в восьмой класс. А что ты, Тайлер?

– Он будет учиться на втором курсе в колледже в Сехоме, – ответила моя мать за меня. – На прошлой неделе ему исполнилось пятнадцать.

– О, это отличный колледж. На следующий год Эмбер тоже пойдет туда. – Она снова улыбнулась. – Ну, я оставлю вас распаковывать вещи. Я просто хотела поприветствовать новых соседей и надеюсь увидеть вас в воскресенье!

Когда она уже не могла нас услышать, мама повернулась к отцу, и в ее голубых глазах сверкал гнев.

– Ты находишь, что это смешно – ставить своего сына в неловкое положение?

Я затаил дыхание, ожидая ответа отца и испугавшись, что они устроят громкий скандал прямо на лужайке. Родители ругались друг с другом постоянно, сколько я себя помнил, и поводом для скандала могло быть что угодно, начиная с ссоры из-за того, кто вынесет мусор, и заканчивая более серьезными разборками из-за долгих ночных дежурств отца или страсти матери тратить деньги налево и направо. Но в последние годы положение ухудшилось. Они ругались все чаще и громче и начали обзывать друг друга. Я обычно лежал на кровати, накрыв голову подушкой, стараясь не слышать безобразных слов, которыми они обменивались. Сердце бешено колотилось в груди от страха, что отец может войти в мою комнату и обратить гнев на меня, хотя бы ради разнообразия. Я надеялся, что переезд в новое место как-то повлияет на них. Может быть, он поможет моим родителям начать все с чистого листа.

– Это может пойти ему на пользу, – сказал отец так, словно меня рядом с ними не было. – Может быть, он проявит характер и преодолеет свой страх.

И эти слова неотвязно крутились в голове, когда несколькими днями позже мы отправились на праздник. «Прояви характер» – эти слова отец говорил мне так

часто, что, казалось, они навсегда отпечатались в моем мозгу. Погода стояла жаркая, и к часу дня термометр уже показывал восемьдесят пять градусов[5 - Около 29,5 градуса Цельсия.], поэтому отец настаивал, чтобы я пошел на праздник в плавках, и я не рискнул спорить с ним. Сам он тоже был в плавках, но мать надела джинсовый сарафан, сказав, что, если ей станет жарко, она просто поболтает ногами в воде.

На лужайке возле дома Брайантов было множество народу. По большей части они оживленно беседовали друг с другом, словно были хорошо знакомы, что, скорее всего, так и было. В основном там присутствовали взрослые, хотя было и несколько подростков. А младшие дети уже плескались в бассейне. Я сказал себе, что преодолею страх, даже если это убьет меня. Лишь бы доказать отцу, что я не испуганный маленький ребенок, которым он меня считает. Все говорили мне, что я очень похож на него, только более худой. Во мне было пять футов девять дюймов роста, а в нем – шесть футов и два дюйма. Я ел так, словно внутри был пустым, и мне постоянно хотелось подкрепиться. А отец проводил все дни на пожарах или в тренажерном зале, поэтому он был сильным и мускулистым мужчиной.

Когда мы вошли в калитку, я осмотрел толпу и сразу же заметил Элен. Она стояла рядом со столиками с едой, расположенными в тени, в той части, где над двориком нависала крыша. Она расставляла принесенные соседями припасы, а увидев нас, сразу же направилась к нам. По дороге она схватила за руку темноволосую девчонку, которая в одиночестве стояла у заднего крыльца.

– Вы смогли прийти! – сказала она, когда они подошли к нам. У них обеих были одинаковые орехового цвета глаза и лица в форме сердца, и я решил, что девчонка была дочерью Элен. Щеки Элен покраснелись, и она обмахивалась рукой, словно веером. – Ух, ну и жара! Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Или облить вас ледяной водой? – Она выпалила все это так быстро, что у нас не было времени ответить. Она улыбнулась и обняла за плечи стоявшую рядом девочку. – Это Эмбер. А мой муж Том где-то скрывается. Возможно, в доме, рядом с вентилятором.

– Привет! – сказала Эмбер и подняла руку в знак приветствия.

Как и у матери, у нее были округлые формы, и они обе были одеты в сарафаны. Я старался смотреть Эмбер в глаза, что было не так просто, учитывая, что глубокий вырез ее сарафана оставлял открытым ложбинку груди.

– Это Лиз и Джейсон Хикс, дорогая, – сказала Элен. – И их сын Тайлер. Наши новые соседи. Я уже говорила тебе, что он будет учиться на втором курсе в Сехоме?

– Да, – сказала Эмбер и, глядя на меня, слегка закатила глаза, словно говоря: «Уж эти родители!»

– Привет, – сказал я, выдавив из себя улыбку.

– Ты такая хорошенькая, – сказала моя мать, обращаясь к Эмбер. Потом она повернулась к отцу: – Разве она не хорошенькая, Джейсон?

– Очень хорошенькая, – согласился он, окидывая Эмбер оценивающим взглядом.

На лице Элен появилось странное выражение.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросила меня Эмбер, не замечая или попросту игнорируя то, что говорили взрослые. Я кивнул и пошел за ней к переносному холодильнику, который стоял во дворике рядом с домом. – Здесь есть содовая, холодный чай или вода, – сказала она, доставая бутылку воды. А я взял банку с кока-колой.

Мы какое-то время помолчали, глядя на то, как детишки плещутся в бассейне. Потом Эмбер заговорила:

– Откуда вы переехали?

– Из Сиэтла, – ответил я, глотнув кока-колы. – Отца перевели на пожарную станцию в вашем городе.

– Он пожарный? Круто. А мой отец всего лишь продает страховки. – Она сделала паузу. – Ну, на самом деле он владелец страховой компании. Но это не то же самое, что спасать жизни людей.

– Наверное. Но моего отца все время нет дома. Он сутками торчит на работе. Иногда еще дольше.

– Это плохо, – сказала Эмбер, скорчив гримасу. – А что твоя мама?

– Она фармацевт, но работает на полставки, потому что не любит оставлять меня одного дома. Что очень глупо, потому что я навряд ли сожгу дом или выкину еще что-нибудь в этом роде.

Эмбер кивнула.

– Уж мне-то это знакомо. Моя мама все время трясется надо мной. Когда я пошла в детский сад, она устроилась работать в начальную школу, чтобы у нас совпадали каникулы. Она ходит за мной по пятам, но она милая, потому что печет печенье и стирает мои вещи. – Она снова скорчила гримасу, и я рассмеялся. Мне обычно было нелегко общаться с людьми, особенно с девочками, но с Эмбер я чувствовал себя так, словно мы уже сто лет знали друг друга.

– И она все еще работает там? – спросил я.

– Да. Она секретарь. Она хотела найти работу в моей школе, но я сказала, что в этом случае просто убью ее. Но она, разумеется, член родительского комитета.

Мы еще помолчали, и на этот раз первым заговорил я.

– Может быть, хочешь что-нибудь съесть? – спросил я.

От одного только взгляда на столы, уставленные едой, у меня засосало под ложечкой, хотя за час до этого я проглотил дома сэндвич.

Эмбер проследила за моим взглядом, а потом быстро отвела взор в сторону, словно ее застали за тем, что она делает что-то плохое.

– Нет, спасибо, – сказала она более высоким голосом, чем тот, которым она говорила о своей матери. – Ты поешь, а я на самом деле не проголодалась. – Она допила воду, потом взяла со стола пластиковый стаканчик и наполнила его льдом из холодильника. – Я люблю жевать ледышки, как попкорн, – пояснила она, потряхнув стаканчик так, что кубики льда зазвенели.

– А-а, – сказал я. – О’кей.

Ее слова показались мне странными, но я никак не прокомментировал это, потому что мне хотелось продолжить наш разговор.

– Эй, Тайлер! – крикнул отец с другого конца лужайки, прервав ход моих мыслей. Он стоял около бассейна с бутылкой пива в руке. – Пора стиснуть зубы.

В его голосе прозвучала насмешка.

– Стиснуть зубы? – спросила Эмбер, заправляя за ухо прядь длинных темных волос. – О чем это он?

– Да, ерунда, – пробормотал я, ставя бутылку с недопитой кока-колой на стол.

Я поднял глаза и увидел, что отец тоже отставил свою бутылку и теперь направляется к нам с решительным выражением лица. У меня сжалось сердце, и кола, которую я только что глотнул, застряла в горле. Я огляделся по сторонам и увидел, что все вокруг были заняты, даже моя мама, которая сидела за столом рядом с Элен. У них обеих были в руках бокалы с белым вином, и они о чем-то оживленно разговаривали. Я мысленно попытался привлечь ее внимание, чтобы она вмешалась в происходящее.

– С тобой все в порядке? – спросила Эмбер, но прежде, чем я смог ответить, отец оказался рядом с нами. Он остановился в нескольких сантиметрах от меня, упершись руками в бока. Эмбер сделала шаг в сторону, но не ушла. И прежде чем я понял, что происходит, отец подхватил меня на руки, как младенца.

– Папа, стой! – закричал я срывающимся голосом. Я дрыгал ногами, пытаюсь вырваться, но он повернулся и пошел к бассейну. – Папа, не надо! – взмолился я, продолжая брыкаться, но его руки были сильными и мускулистыми, и протестовать было бесполезно. Он пару секунд подержал меня над водой, глядя мне в глаза.

– Это только ради твоего же блага, – сказал он и бросил меня в бассейн на виду у всех собравшихся.

Я с головой ушел под воду, которая тут же защипала глаза и залила уши и рот. Я стал кашлять и задышаться, пуская пузыри. Меня охватила паника, как в тот раз, когда стебли кувшинок обвили мои ноги. Вынырнув на поверхность, я открыл глаза и быстро заморгал. Как мог, я пытался удержаться на плаву, чувствуя, что меня вот-вот стошнит. Мускулы на лице напряглись, заставляя опуститься уголки губ.

«Только не плачь, черт возьми. Держись изо всех сил!»

Отец стоял у края бассейна, с удовлетворенным видом наблюдая за мной.

– Ну вот, – сказал он. – Все не так плохо, верно?

Я не ответил, с трудом пробираясь к бортику, куда уже подбежала моя мама.

– Ты в порядке, дорогой? – спросила она, кладя руку мне на спину, когда я поднялся по ступенькам и выбрался на лужайку.

Пришлось крепко уцепиться за поручни лестницы, чтобы не упасть. Все присутствовавшие прекратили разговаривать и стояли, уставившись на бассейн. На меня и на моего отца.

– Все нормально, – сказал я, отшатнувшись от матери.

Не поднимая головы, я взял у нее из рук полотенце и завернулся в него. Несмотря на жару, я дрожал, и струйки воды стекали по моим ногам. Шлепанцы слетели с ног, оставшись в бассейне, но мне было уже все равно. Я хотел только одного – убраться оттуда.

– Да будет тебе, Тай, – сказал отец, стоявший у противоположной стороны бассейна. – Не будь занудой!

– Пожалуйста, Джейсон, – оборвала его мать. – Хватит!

– Я сам решу, когда хватит, Лиз, – сказал отец, нахмутив брови и направляясь к нам.

Уголком глаза я заметил, что Эмбер посмотрела на мать, словно спрашивая: «Что нам делать?» Но Элен просто сжала губы и слегка покачала головой. Я не мог поверить, что мои родители начали ссориться на глазах у всех. Что это было первым впечатлением, которое они хотели произвести. Вот вам и начали с чистого листа.

– Мы просто валяли дурака, – сказал отец более сдержанным тоном, бросив взгляд на собравшихся, словно только сейчас заметив, что за нами наблюдают. – Отцы с сыновьями часто это делают. Верно, Тай?

Он весело рассмеялся, и его дружелюбие было таким убедительным, что люди, не знавшие его, могли принять все за чистую монету.

Я стоял молча, не отвечая и отказываясь смотреть на него.

И в этот момент калитка открылась, и появились новые гости. Все оживились, и напряжение, повисшее в воздухе, понемногу растаяло. Малыши снова принялись играть в бассейне, а взрослые, взяв в руки стаканы и положив себе еды, либо уселись в тени, либо расположились нежиться на солнышке. Кто-то включил музыку, и коренастый мужчина с черными волосами и дружеской улыбкой подошел к моему отцу. Если бы мне пришлось угадывать, кто это, то по тому, как он хлопнул моего отца по спине и повел его к столикам с едой, я сказал бы, что это был муж Элен, пытавшийся разрядить обстановку. Моя мать и Элен снова уселись за свой столик и продолжили разговаривать, склонившись друг к другу. Между глотками вина моя мать закусывала нижнюю губу и качала головой, словно пытаюсь сдержать слезы.

Увидев это, я отошел подальше от них, опасаясь, что, если она расплачется, я не выдержу и разревусь сам. А этого я хотел меньше всего. Меня уже и так достаточно унизили. Я сел около изгороди и принялся ковырять траву своим большим пальцем, пока там не образовалась ямка. Я подумывал о побеге. Размышлял о том, как бы покинуть этот глупый маленький городок и вернуться в Сиэтл, даже несмотря на то, что там мне было некуда податься. Большею частью я всегда держался обособленно. У меня не было друзей, по крайней мере, настолько близких, чтобы они пригласили меня пожить у них. Я был слишком тихим и нерешительным, чтобы участвовать в драках, которые, похоже, так нравились мальчишкам моего возраста. Бабушка и дедушка с отцовской стороны жили в Южной Калифорнии, где вырос отец, и после очередной ссоры с ним, случившейся много лет назад, они с нами не общались. А родители матери –

завели ребенка уже в зрелом возрасте, когда им было за сорок – теперь жили в сообществе престарелых в Бельвю, и там не разрешали селиться лицам, не достигшим пятидесяти пяти лет. Так что и там я не смог бы найти пристанище. Мне некуда было податься. И у меня не было никого, кто мог бы спасти меня. Я посмотрел на безоблачное небо, и в этот момент мне на лицо упала чья-то тень. Эмбер бросила шлепанцы на землю возле моих ног.

– Я подумала, может, они тебе нужны, – сказала она, усаживаясь на стул рядом со мной.

– Спасибо.

Я был слишком смущен, чтобы смотреть на нее, поэтому просто стянул с плеч полотенце и начал складывать его у себя на коленях. Было уже достаточно жарко, и мои волосы почти высохли.

– Наверное, трудно переезжать на новое место? – спросила Эмбер. – Я прожила здесь всю жизнь. В одном и том же доме, с одними и теми же людьми. Это так скучно.

Она фыркнула, и я не выдержал и коротко рассмеялся.

– Это, наверное, тоже трудно. А я здесь никого не знаю.

– Ну, ты знаешь меня, – звонко объявила она – А я просто классная.

Она улыбнулась, показав ровные белые зубы, и на ее пухлой щеке образовалась ямочка.

Я снова рассмеялся, и напряжение начало покидать меня. Покрутив в пальцах край полотенца, я мрачно взглянул на нее.

– Извини меня за то, что отмочил мой отец.

– Тебе-то за что извиняться?

Я пожал плечами.

Она помолчала несколько мгновений, потом спросила:

– Зачем он это сделал?

Слова «потому что он настоящий говнюк» чуть не сорвались с моих губ, но вместо этого я сказал то, что всегда говорила моя мать, когда отец вел себя как подонок.

– Он просто хочет, чтобы я был больше похож на него.

– А-аа. – Эмбер откашлялась и посмотрела на меня: – А ты?

– Что я?

– Похож на него?

Я взглянул на отца, который к этому времени расстался с Томом и уселся у бассейна рядом с женщиной в купальнике, который почти не скрывал ее большие сиськи. Она рассмеялась над какими-то словами отца, и тот как бы случайно коснулся пальцами ее голой ноги.

– Нет, – коротко сказал я Эмбер. – Не похож.

– Может, это и хорошо.

– Да.

Меня поразило то, что после десяти минут общения эта девчонка, похоже, уже понимала меня.

– Послушай, – сказала она. – Ты же хочешь есть, верно? Так пойдем поедим. Я скажу тебе, что выбрать вкусненького.

– Отлично, – отозвался я. – Спасибо.

Я снова застенчиво улыбнулся, выражая благодарность за ее дружелюбие. Было не важно, что она была на два года младше и что мы будем учиться в разных школах. В этот момент было ясно одно: Эмбер и я станем друзьями.

– Что ты скажешь по поводу этой? – спросила Эмбер, когда мы ходили по густому лесу, в который елочный питомник допускал публику во время праздника. Моя мама отправилась вместе с Брайантами в другую сторону на поиски большого дерева для них, а нам с Эмбер поручила выбрать елочку поменьше.

– Вы оба знаете, что мне нравится, – сказала она, отправляя нас на поиски.

По правде сказать, Элен придавала больше значения подобным вещам, чем моя мама. И если бы Элен, с которой они сдружились, не шпыняла ее, она и вовсе бы не стала ставить в доме елку. Но когда мои родители развелись через шесть месяцев после переезда в Беллингхэм, Брайанты фактически взяли нас с мамой под опеку. И она была глубоко признательна им за доброту. Как и я.

Я остановился и уставился на елочку, на которую указывала Эмбер. Это было пушистое дерево примерно одного роста с ней.

– Мне кажется, у мамы не найдется достаточно игрушек, чтобы украсить такое большое дерево, – сказал я.

– Она всегда может позаимствовать их у нас, потому что на чердаке хранится не меньше миллиона безделушек, – со смехом отозвалась Эмбер.

Ее щеки покраснелись от мороза, и на носу ярко обозначились коричневые веснушки. Ее глаза сверкали от смеха. Я был счастлив, что по дороге в питомник мы смогли рассеять напряжение, воцарившееся между нами. Даже если мне пришлось солгать, говоря об их отношениях с Дэниэлом. Я так любил ее, что у меня щемило сердце. И я был готов на все ради нее, готов был сказать что угодно, лишь бы не потерять ее.

– Помнишь, как мы налили вина в кофейные чашки и залезли на чердак, чтобы выпить его? – спросил я.

– Бог мой! – воскликнула Эмбер. – Я совсем забыла про это. Сколько нам было лет?

– Ты училась на первом курсе колледжа, а я заканчивал предпоследний. Это было во время весенних каникул. Мы с ума сходили от скуки и решили попробовать, каково это – напиться.

– Точно. – Она засунула руки в карманы своей огромной лыжной куртки и начала подпрыгивать на месте, очевидно, чтобы согреться. И я с трудом подавил желание обнять ее. – Ты выпил всю чашку одним махом, за тридцать секунд. И так опьянел, что опрокинул коробку с игрушками.

Я поморщился и покачал головой, вспоминая, как коробка с грохотом упала и раздался звон бьющегося стекла.

– Я страшно испугался, что твоя мама убьет меня.

– Но я настояла на том, чтобы ты держал язык за зубами, и мама решит, что коробка свалилась сама по себе. Так оно и вышло. – Эмбер торжествующе посмотрела на меня, и я рассмеялся.

– Ты развратила меня. До встречи с тобой я никогда никому не лгал.

– Фу, ну надо же! – сказала она, ухватив дерево за верхушку и слегка встряхнув его. – Ну, ладно, твоей маме понравится эта елка. Сруби ее, и мы сможем пойти выпить это чертово какао, чтобы не отморозить свои задницы.

– Ладно, ладно, – ответил я, – ты любишь покомандовать.

Я поднял топор, который нес в руке, и склонился над деревом. Потом несколько раз ударил у основания, в то время как Эмбер стояла поодаль, сложив руки на груди и наблюдая за мной.

– Ты хочешь, чтобы я сделала все за тебя, старик? – спросила она. – Я не хочу, чтобы ты поранился.

– Это не смешно, – с улыбкой сказал я.

Именно это я любил в Эмбер больше всего. Она вынуждала меня серьезно относиться к себе. И заставляла меня чувствовать себя так, словно я был лучше.

– О, я большой весельчак. Я же просто классная.

Это было одной из наших любимых шуток после того, как она сказала мне эти слова на празднике в тот день, когда мы познакомились. Позже я признался ей, что это было одной из самых смешных вещей, которые я когда-либо слышал. Именно в тот момент я понял, что мы станем друзьями. То, что она сейчас сказала это, означало, что она окончательно простила меня за то, что случилось в августе.

– Умница, – сказал я, покачав головой и принимаясь снова за елку.

– Это лучше, чем быть тупицей. – Она снова подпрыгнула несколько раз, держа руки сложенными на груди и засунув ладони под мышки. – Как твой отец? Собираешься увидеться с ним во время каникул?

– Возможно. – Я изо всех сил ударил топором о ствол дерева, и оно наконец накренилось в сторону. – Полагаю, с ним все в порядке. Мы редко общаемся.

– А на работе ты с ним не видишься?

– Очень редко, – сказал я, взглянув на нее. – Мы работаем на разных станциях, так что видим друг друга только в крайних случаях, когда на пожаре требуется помощь еще одной бригады. Да и то лишь тогда, когда дежури́м в одну смену.

– Понятно, – сказала Эмбер. – Он все еще живет с той цыпочкой... как ее зовут? Та, у которой вонючая серая кошка?

– Диана. И нет, он с ней порвал. Как обычно.

Как и моя мать, отец так и не вступил во второй брак. Вместо этого он постоянно менял женщин, большей частью гораздо моложе его. Некоторые даже были моими ровесницами. И оставлял позади себя целую череду разбитых сердец.

– Мне нужно перебеситься, – сказал он мне как-то незадолго до того, как я окончил школу. – Твоя мать подцепила меня совсем зеленым, и я больше на эту удочку не попадусь. Я провел слишком много лет, делая все, чего она захочет. Теперь пора подумать и о себе.

Он подмигнул мне, словно у нас с ним был общий секрет, и я не знал, что ему ответить на это. Я не отрицаю, что у отца был талант очаровывать женщин. Я в течение многих лет наблюдал, как он обращался с противоположным полом, когда мы проводили с ним выходные и ходили куда-нибудь ужинать. Он осыпал комплиментами, заставлял дам смеяться, небрежно касался пальцами их обнаженной кожи. И это почти всегда срабатывало. Они в конце концов оказывались в его постели.

– Мне жаль, – сказала Эмбер.

Я достаточно хорошо знал ее, чтобы понять, что она имеет в виду не то, что отец порвал с еще одной женщиной. Ей было жаль, что у меня с ним не было таких отношений, которые были с родителями у нее. Ей было жаль, что, возвращаясь домой после проведенных у него выходных, я запирался в спальне и хотел только одного – больше никогда не появляться там, не просыпаться по утрам, обнаруживая какую-нибудь полуголую постороннюю девицу на кухне, с которой мне приходилось вести тупую, неловкую беседу, пока он не заявлял, что ей пора уходить.

– Все в порядке, – сказал я, в последний раз ударив топором по стволу. Дерево упало, и я подумал еще об одной лжи, которую сказал Эмбер в машине. О том, что я ни с кем не встречаюсь. Это была ложь во благо, пытался внушить я себе, подхватывая елку за основание, в то время как Эмбер взялась за верхушку. Мы медленно пошли к сараю, где, как я надеялся, уже были наши родители. Я не встречался с Уитни, моей двадцатилетней соседкой, учившейся в колледже. Я просто спал с ней. Я познакомился с ней в прошлом сентябре, некоторое время спустя после нашей ссоры с Эмбер. Мы столкнулись на нашей парковке, когда она вынимала из машины свой рюкзак.

– Привет, – сказал я, подходя к ней. – Давай помогу.

Я улыбнулся, оглядывая ее стройную фигурку, прямые длинные темные волосы и такие же темные глаза миндалевидной формы. Короткое, красное,

обтягивающее платье не оставляло место для фантазий, сразу подсказывая, что? можно будет увидеть, если девушка наклонится.

– Все в порядке, – сказала она. – Я справлюсь.

– Вижу, – заметил я. – Просто я стараюсь произвести впечатление своими изысканными манерами. Так что позволь мне помочь.

Я протянул руку, взялся за ее рюкзак, и она тоже улыбнулась.

– Тайлер.

– Уитни Чо.

Она окинула меня взглядом, и я порадовался, что на мне все еще была рабочая униформа. Я пока еще только привыкал к тому, сколько женского внимания она притягивает.

– Ну что ж, Уитни Чо, ты не занята сейчас? Я только что закончил работу и подумываю о том, чтобы посмотреть кино. Хочешь присоединиться?

– Не знаю... мне вроде как нужно заниматься.

Она посмотрела вверх, по-видимому, на окна своей квартиры.

– Ну, ладно, – сказал я. – Пойду домой и постараюсь не думать о том, как я одинок.

Я притворно вздохнул и смахнул несуществующую слезу с глаз.

Она расслабилась и рассмеялась. А спустя пять минут мы уже сидели в квартире на моем диване перед включенным телевизором. Мы немного поболтали, и я узнал, что она учится на бизнес-менеджера, выросла в Бельвю и сейчас живет с тремя соседками в двухкомнатной квартире наверху. При этом ладит только с одной.

– У тебя есть бойфренд? – спросил я, вспоминая, как Эмбер сидела здесь, рассказывая про Дэниэла. И о том, как она резко сказала: «Ты просто ревнуешь». Я слегка съежился, и мое сердце стало стучать быстрее. Я положил руку на бедро Уитни.

– Нет, – ответила она. – Я люблю парней постарше.

Ее щеки зарделись, и, приняв это признание за приглашение, я поцеловал ее. Я придвинулся ближе, давая почувствовать мою эрекцию, и она не отшатнулась. А когда я положил ее ладонь на мою твердую плоть, она заколебалась, но не воспротивилась. Уитни закрыла глаза.

Все случилось очень быстро, и потом, когда девушка ушла домой, я лежал в кровати и думал о том, что заслуживаю чего-то такого. Чего-то приятного и необременительного. Без каких-либо обязательств. Потому что, по правде говоря, хотя Уитни и была молодой, горячей и доступной, она никогда не сможет стать для меня всем.

Она никогда не сможет стать Эмбер.

Эмбер

На Новый год шел снег, и обратная дорога в Пульман была еще опаснее, чем обычно. Из-за гололеда нельзя было обойтись без цепей на колесах, так что я порадовалась тому, что отец научил меня надевать их без посторонней помощи. После утомительной семичасовой езды – на час длиннее, чем обычно требовалось, – я открыла дверь в квартиру и увидела Дэниэла, растянувшегося на моей кровати и ожидавшего меня, как он и обещал.

– Привет, – сказал он, поднимаясь с кровати и вытягиваясь во весь свой шестифутовый рост.

– Привет, – сказала я и широко улыбнулась ему.

Уронив на пол свои сумки, я подпрыгнула и повисла на нем, обхватив ногами за талию. Он прижал меня крепче и уткнулся лицом мне в шею. Я сделала то же самое, и какое-то время мы молчали, вдыхая запах друг друга.

Я вспомнила о том, как увидела его впервые в прошлом июле. Он стал приходить в тренажерный зал в то время, когда я работала там. Мы улыбались и обменивались кивками, а иногда я замечала, как он смотрит на меня, когда я даю указания клиенту. И, наконец, я подошла к нему в баре и остановилась, положив руку себе на бедро.

– Вы размышляете над тем, чтобы нанять меня? – спросила я.

– Не совсем, – ответил он с улыбкой.

У него были короткие густые черные волосы и карие глаза, обрамленные пушистыми ресницами. Его кожа была смуглой от природы, и я догадалась, что в его жилах течет испанская кровь. Он был мускулистым, но не чрезмерно, и на нем были свободные серые нейлоновые шорты и синяя майка.

– Тогда почему вы пялитесь на меня? – спросила я, выпрямляясь во весь рост.

Я не была ухоженной бездельницей – я приходила в тренажерный зал на работу, поэтому на лице не было косметики, по телу струился пот, а волосы были небрежно склоты в пучок. Глядя на его бицепсы, я подумала, сможет ли он лежа поднять штангу столько же раз, сколько и я.

– Я Дэниэл, – сказал он, протягивая мне руку. Я на мгновение уставилась на нее, потом пожала ее и назвала свое имя. – Итак, Эмбер, не хотите ли заняться со мной скалолазанием в это воскресенье?

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы ответить. Я ожидала, что он пригласит меня на студенческую вечеринку или в бар, как сделало бы большинство моих сверстников. Именно по этой причине у меня никогда не было серьезных отношений с парнями. Те, с которыми я встречалась, были просто мальчишками во взрослом теле, а меня не привлекала перспектива долгосрочных отношений с подростками. Тот факт, что Дэниэл пригласил меня

на такое необычное, требующее физических усилий занятие, сразу же выделил его из толпы.

Я приняла приглашение, и, пролазив весь субботний день по скалам, обливаясь потом, мы отправились в суши-бар, потому что, как выяснилось, это была любимая еда у нас обоих. Я узнала, что его полное имя Дэниэл Гарсия и он младший сын в семье. Его три старших сестры работали визажистами и втроем основали собственный бизнес в Лос-Анджелесе. А его родители продолжали жить в Денвере в окружении многочисленных родственников.

– У меня тридцать два двоюродных брата и сестры, – гордо объявил Дэниэл.

– Шутишь, – сказала я, помахав над тарелкой палочками для суши. – Этого не может быть.

Он рассмеялся и кивнул:

– Чистая правда.

– А как ты запомнил все их имена?

Я широко раскрыла глаза, пытаюсь представить, каково это – быть частью такой большой семьи. У меня было только три кузена, причем все они жили в Орегоне, и мы с ними встречались очень редко.

– Бо?льшую часть из них зовут Джизус, поэтому все не так уж и сложно, – сказал Дэниэл.

Мы оба рассмеялись, а потом он стал рассказывать мне, что выбрал университет штата Вашингтон из-за того, что здесь замечательный медицинский факультет.

– Я хочу работать со спортсменами, – сообщил он. – Может быть, со временем даже с НФЛ.

– Не может быть! – воскликнула я. – А у меня мечта работать с командой «Сихокс».

– Тебе нравится футбол?

– Я его обожаю. Все детство я смотрела вместе с отцом футбольные матчи.

– Потрясно, – сказал Дэниэл. – Тогда нам нужно будет сходить на пару игр в этом сезоне.

– С удовольствием, – сказала я, не в состоянии проглотить больше ни кусочка из-за странного, порхающего ощущения внизу живота. Была только середина лета, и это было наше первое свидание, а он уже говорил о совместных планах на осень. Меня привлекла его внешность, но еще больше мне понравились его покладистость, ум и чувство юмора. И я была в восторге от того, что он, как и я, был целеустремленным человеком. Он знал, чего хочет, и был готов тяжело работать, чтобы достичь желаемого. А возбуждение, которое я чувствовала в его присутствии, говорило о том, что между нами возникло неоспоримое влечение.

Когда после ужина мы подошли к моему дому, Дэниэл взял мое лицо в свои ладони.

– Я прекрасно провел время, – сказал он, наклоняясь ко мне и легко целуя меня в губы. Сначала нежно, а потом все более настойчиво. Я почувствовала тянущее ощущение между ног и сделала то, чего никогда не делала на первом свидании. Я схватила его за руку и втащила в квартиру, а потом повела к кровати.

– Ты уверена? – спросил он, когда мы рухнули на кровать и я начала стягивать с него шорты. Он навис надо мной, опершись на обе руки, чтобы не раздавить меня своим весом.

– Да, – прошипела я.

Я хотела Дэниэла, и тот факт, что он заколебался, чтобы дать мне возможность самой принять решение, заставил меня хотеть его еще больше.

– У тебя есть презервативы? Я не думал, что...

– В тумбочке около кровати, – сказала я, притянув его к себе и поцелуем закрыв ему рот.

Я купила презервативы несколько месяцев назад, после нескольких многообещающих свиданий с парнем, с которым познакомилась на занятиях по биомеханике. Но в конце концов он признался, что у него есть девушка в Сиэтле.

Дэниэл выдвинул ящик тумбочки, достал квадратный пакетик из запечатанной коробки и положил его на матрас. Потом лег поверх меня и принялся целовать мою шею. Мы судорожно стянули одежду друг с друга, и его ладони принялись исследовать мое тело. Мои руки ответили ему тем же, поглаживая его плечи, спускаясь к тонкой талии, а потом еще ниже.

Он застонал, прижимаясь губами к моему соску, а его рука скользнула между моих ног. Он стал целовать мой живот, потом спустился ниже, лаская и пробуя меня на вкус. Я замерла, чувствуя, как внизу живота нарастает напряжение. Дэниэл тоже замер на несколько секунд.

– Посмотри на меня, – пробормотал он хриплым от возбуждения голосом.

Я послушно открыла глаза и посмотрела ему в лицо, а его рука оказалась там, где только что были его губы. Спустя мгновение я достигла пика наслаждения. Мое тело содрогалось от спазма, а перед глазами засверкали разноцветные огоньки. Дэниэл быстро надел презерватив и оказался внутри меня. Он начал ритмично двигаться, а потом задрожал и бессильно опустил ся.

Его ноги были сплетены с моими, наши тела были влажными от пота. Тяжело дыша, Дэниэл перекатился на бок и обнял меня рукой за талию. Потом поцеловал то, что было всего ближе к нему, – мой локоть.

– Вот это да, – сказал он.

Я тоже повернулась на бок лицом к нему и положила голову на его руку.

– Да уж, – откликнулась я с застенчивой улыбкой.

Я заколебалась, сказать ли мне то, что первым делом пришло мне на ум, и почувствовала, что должна поделиться с ним.

– Это был первый раз, когда я...

– У тебя никогда не было оргазма? – недоверчиво спросил Дэниэл.

– Нет, нет, – поспешно сказала я, – конечно, был. Но... как это сказать... никто не доводил меня до этого. – Я помедлила. – Мне всегда приходилось все контролировать самой.

Я не была девственницей, но отличалась большой разборчивостью в своих связях, и как только я оказывалась с парнем в постели, мне стоило непомерных усилий расслабиться и испытать удовольствие. Но с Дэниэлом все было по-другому. С ним я чувствовала себя в безопасности.

– О, это так трагично, – сказал Дэниэл, улыбнувшись и приподняв одну бровь. – Хочешь повторить?

Увидев его сейчас, после двухнедельной разлуки, я испытала те же ощущения, что и в нашу первую ночь. Я несколько минут крепко прижималась к нему, пока он наконец не поставил меня на пол. Он поцеловал меня, прижался лбом к моему лбу и прошептал:

– Как все прошло?

Мы в эти две недели постоянно обменивались сообщениями, но это было не то же, что разговаривать лицом к лицу.

– Я, вероятно, прибавила десять фунтов, но в остальном все в порядке.

Я отступила от него на шаг и похлопала себя по животу.

Все то время, которое я провела с родителями, я заставляла себя не вставать на весы, не желая портить себе настроение.

– Ты выглядишь такой же, какой и была, – заверил меня Дэниэл.

Он знал о моих прошлых проблемах и помогал мне не сходить с выбранного пути. Он понимал, что выбором карьеры я обязана желанию сохранить баланс, физический и умственный – сосредоточиться на том, чтобы быть здоровой и

сильной, а не только худой. Его это волновало не так сильно, как моих родителей, которые опасались, что, став специалистом по спортивному питанию, я буду ходить по волоску между болезнью и выздоровлением.

– Тебе стоит заглянуть в свой холодильник, – сказал Дэниэл.

– Что? Зачем?

– Просто посмотри.

– Что ты сделал? – спросила я, направляясь в крохотную кухоньку в другом конце студии. Открыв холодильник, я обнаружила, что все полки забиты припасами, которых хватит на целую неделю. Там были мои обычные блюда – запеченный цыпленок, коричневый рис, салат из капусты, пакеты с нарезанными овощами и коробочки с греческим йогуртом.

– Детка, – сказала я, поворачиваясь к Дэниэлу. – Ты не был обязан делать это.

– Знаю, но мне захотелось. Я прикинул, что ты будешь слишком уставшая, чтобы что-то готовить сегодня вечером, так что, когда отправился за покупками для себя, я прикупил еды и тебе.

Дэниэл придерживался диеты не так строго, как я, но любил здоровую пищу, так что нам легко было найти общий язык в том, что касалось питания. Но, в отличие от меня, он каждую неделю устраивал себе «разгрузки», позволяя себе съесть чизбургер или целую пиццу пепперони. Но он постоянно занимался в тренажерном зале, поэтому на его весе такие отступления не сказывались. Не то чтобы мне было важно, как он выглядит. Он мог весить триста фунтов, и я все равно любила бы его.

– Ты так добр ко мне, – пробормотала я. – Клянусь Богом, моя мама нарочно готовила все, что я ела, с дополнительным количеством масла.

– Сомневаюсь, – сказал Дэниэл. – И помни, главное – умеренность, верно?

Я кивнула, подумав при этом, что хотя Дэниэл и понимал природу моей болезни, он не переживал это вместе со мной, как делал Тайлер. Поэтому до конца понять

меня не мог. Он не видел меня, когда я выглядела как скелет, когда моя кожа была натянута на ребрах, а участки тела, соприкасавшиеся с одеждой, были натерты до красноты. Он не видел меня, когда я была на краю смерти. И сейчас, независимо от того, что я почти выздоровела, я знала, что анорексия останется частью меня, как цвет волос или рост. И мне нужно быть осторожной, чтобы снова не скатиться в болезнь.

Я встречалась с Дэниэлом уже больше месяца, когда поделилась с ним своей историей. Я рассказала, что мои проблемы с питанием начались очень рано. Так как при рождении я весила всего три с половиной фунта, я была на искусственном вскармливании, которое должно было поднять мой вес. Позже, когда я начала ходить, вместо молока мне давали высококалорийные питательные коктейли. Моя мать добавляла мне в рис масло, а в макароны – жирные сливки и сыр. И каждый вечер, стоило мне лишь выразить желание, мне давали на десерт мороженое.

И я все равно оставалась крошечной и худенькой по сравнению с другими детьми. Так что, когда мне исполнилось пять лет и я должна была начать ходить в детский сад, родители решили оставить меня дома еще на год, чтобы дать мне возможность подрасти. И когда я наконец пошла в школу, это их решение привело к тому, что я была самым старшим и в то же время самым субтильным ребенком в классе.

– Осторожнее с Эмбер! – часто кричала во время занятий миссис Бенсон, учительница физкультуры в младших классах. По просьбе моих родителей она не позволяла мне принимать участие в более активных играх, таких, как футбол или вышибалы, а вместо этого разрешала мне сидеть за ее столом и читать или рисовать, пока не кончится урок.

Другие дети, в особенности девочки, часто завидовали мне из-за такого особого обращения. «Хотела бы я быть такой крошечной, как ты», – часто говорили они мне. И мало-помалу я начала чувствовать себя так, словно я была особенной, немного важнее остальных детей из-за моего размера.

Но в шестом классе все изменилось. Я оставалась самой невысокой девочкой среди сверстниц, но за несколько месяцев превратилась в самую толстую. Это произошло так, словно кто-то щелкнул выключателем. Все дополнительные

калории, которыми меня закармливали в течение многих лет, мгновенно стали превращаться в жировые клетки. С каждой неделей мое тело словно распухало, я округлялась и быстро вырастала из своей одежды.

– Не беспокойся, – говорила мама, когда ей приходилось отправляться со мной по магазинам за новыми вещами. Мой гардероб теперь в основном состоял из юбок и брюк на резинке и бесформенных, скрывающих живот топов. – Ты подрастешь, и все придет в норму.

– Но я не хочу быть толстой! – отвечала я, памятуя о том, как она всегда жаловалась на свой вес.

Мама постоянно сидела на какой-нибудь диете – низкокалорийной, или высокобелковой, или просто только на морепродуктах. Но это не приносило должного результата. Она теряла и снова набирала все те же двадцать фунтов, проклиная свой плохой метаболизм и вздыхая всякий раз, когда опять приходилось надевать «толстые джинсы», как она их называла.

– Радость моя, ты не толстая, – как-то сказала мне она. – Просто у тебя переходный возраст.

Я кивнула ей, но вес, который я набирала, навел на меня панику. Мне казалось, что внутри моего тела образовался надувной шар, который распирает меня, заставляя одежду трещать по швам и разрушая то, из-за чего я чувствовала себя особенной. Если я стану такой же, как все, или даже толще, я стану обыкновенной, чего я никак не ожидала.

А спустя год после этого разговора с мамой, за несколько дней до того, как я познакомилась с Тайлером, я стояла напротив зеркала, которое висело на двери в моей спальне, рассматривая отвисший живот и мечтая о том, чтобы можно было взять ножницы и отрезать его.

– Отвратительно, – пробормотала я.

Я впиалась ногтями в свое тело, терпя боль, насколько у меня хватало сил. И вспоминала о том, что случилось на прошедшей неделе в парке на северо-западном берегу озера Уотком. Дети толпились на мосту, ожидая своей очереди, чтобы прыгнуть в воду в глубоком месте, и там же стояла и я со своей подружкой

Хизер. И тут Британи Трипп, самая популярная девочка в классе с ее длинными черными волосами, синими глазами и стройным телом, влезла в очередь впереди меня вместе с двумя своими не менее популярными подругами. Все они были в крошечных бикини, подчеркивавших их загар и уже начавшие расти груди. Благодаря унаследованной от матери ирландской крови моя кожа обычно бывала лишь двух цветов – белоснежного или ярко-красного. На мне был закрытый купальник, надежно прикрывавший мое тело, в особенности грудь, которая за последние полгода увеличилась в размере в два раза. Хизер была голубоглазой блондинкой и занималась балетом. Она была худенькой и стройной и уже в то время была на голову выше всех наших одноклассников.

– Эй, – сказала Хизер. – Сейчас наша очередь.

– Как будто вас можно было не заметить, – фыркнула Британи. – Задница Эмбер занимает половину всей очереди. – Она подняла изящную бровь и взглянула на подруг. – Почему бы ей не сбросить сотню фунтов?

Мои глаза налились слезами, а горло перехватило, так что я даже не смогла ответить. Я не знала, как справиться с обидой. Большую часть жизни, когда люди говорили о моей внешности, это были приятные слова. «Посмотрите! Какая крохотная! И какая изящная!» – восхищались они. И единственное, что я смогла сделать, – это броситься к тому месту, где на траве лежали наши с Хизер полотенца. И даже оттуда я слышала, как смеются Британи и ее подружки.

– Не обращай на нее внимания, – сказала Хизер, догнав меня. – Она просто сучка.

Я познакомилась с Хизер в первом классе, когда ее семья переехала в наш город. Ее отец получил должность профессора в университете. И она вместе с младшей сестрой и родителями собиралась отправиться в поход на День труда, так что они должны были пропустить все праздничные мероприятия.

– Она права, – сказала я ей. – Я такая жирная.

– Прекрати. Вовсе не жирная.

Я закатила глаза и указала на свой живот, и Хизер покачала головой. Но она не понимала, каково это было – мечтать вырваться из собственного тела, мечтать, как я много раз мечтала с тех пор, как начала поправляться, заболеть какой-

нибудь страшной, но не смертельной болезнью, которая магическим образом растопит жир на моем теле.

Вернувшись с озера домой, я тут же включила компьютер и набрала в поисковой строке фразу «как быстро сбросить вес». Я переходила с сайта на сайт, пропуская диеты, на которых в свое время сидела моя мама, и игнорируя статьи, в которых врачи писали, что худеть нужно медленно, на один или на два фунта в неделю. Я хотела стать худой немедленно.

Я набрала другую фразу: «Как стать самой худой среди подруг», надеясь отыскать помощь в достижении быстрого результата. И там я нашла множество способов побороть аппетит. Можно жевать резинку без сахара или кубики льда, можно пить охлажденную воду или горячий зеленый чай в любых количествах. Можно резать еду на сотни маленьких кусочков и жевать каждый кусочек по меньшей мере тридцать раз. На сайте были опубликованы фотографии стройных худых женщин, радующихся тому, что между их бедрами появился просвет. Там также были лозунги вроде «если ляжешь спать голодным и голодным проснешься, станешь на размер меньше» или «сохраняй спокойствие, и голод пройдет».

В тот вечер я не съела ни кусочка, снова и снова повторяя про себя эти лозунги. И я лежала в кровати с урчащим от голода желудком, чувствуя себя неожиданно сильной в своем решении сделать все, что угодно, лишь бы снова обрести прежние формы. Я сброшу вес, и тогда все снова станет отлично. Я снова стану самой стройной девочкой в классе, чтобы опять казаться особенной и чтобы всем нравиться. Британи и ее подружки начнут смотреть на меня с завистью, и я буду знать, что в глубине души они будут хотеть быть похожими на меня. Они даже могут попытаться узнать, что за диету я соблюдаю. Но я откажусь делиться с ними, чтобы они знали, каково это – чувствовать себя бессильным, испытывать отвращение к собственному телу. И мое тело станет для них идеалом, к которому нужно стремиться.

Я начала с того, что перестала завтракать. Потом я начала выбрасывать обед, который давала мне с собой в школу мама. А когда я ужинала вместе с родителями, стала держаться правила, которое было предложено на том сайте, – резала еду на множество маленьких кусочков и очень медленно их жевала. Часть кусков я прятала под гарниром, чтобы казалось, будто я съела больше, чем на самом деле. Уже через две недели я весила на десять фунтов меньше, а спустя еще неделю сбросила еще восемь фунтов. Мое лицо похудело,

и к Дню благодарения я уже стала влезать в свою прежнюю одежду. А к Рождеству даже она висела на мне мешком. Я взвешивалась по десять раз на дню, и если стрелка указывала, что я набрала несколько лишних унций[6 - 1 унция = 28, 3495 г.], я запиралась в своей комнате и делала приседания или прыжки до изнеможения. И я начала бегать, потому что на том сайте было сказано, что бег – самый эффективный способ сжечь лишние калории.

По мере того как мой вес становился меньше, количество получаемых мною комплиментов росло. И я снова почувствовала себя счастливой. И когда я пошла в колледж, даже старшие девочки, причем самые популярные, стали просить меня поделиться секретом, как оставаться стройной.

– Физическая нагрузка и умеренность в еде, – отвечала я им.

Чего я не говорила им, так это того, что я трачу все свое содержание и деньги, которые мне дарили на день рождения, на покупку единственного разрешенного препарата, помогающего сбрасывать вес. Я покупала его у одной из подруг Хизер по балетной школе. Я узнала об этом лекарстве на одном из моих любимых сайтов, на котором уверялось, что, принимая его, можно совсем забыть о еде. Препарат также давал мне сумасшедшую энергию, так что мне стало хватать всего нескольких часов сна в сутки. Я прятала таблетки в черных ботинках, хранивших у меня в шкафу, и те часы, когда мне полагалось спать, проводила у зеркала, изучая свое тело, разглаживая кожу, которая все еще казалась мне жирной, и втягивая живот. И я пересчитывала ребра и радовалась тому, что между моими бедрами появился просвет, который не исчезал, как сильно ни старалась бы я сдвинуть ноги.

– Как ты думаешь, Британи Трипп толще, чем я? – как-то спросила я Тайлера.

Был вторник, и мы с ним сидели в гостиной, делая уроки. Его мама была на работе до шести часов вечера, и после этого у нее было назначено свидание с хирургом, так что Тайлер оставался ужинать у нас. Я уже решила, что для виду я съем два крохотных кусочка цыпленка, четыре маленьких помидорчика и четверть нарезанного листового салата. Тогда родители не смогут сказать, что я ничего не ела. Потому что я смогу возразить им. Они оба беспокоились из-за того, что я мало ем, и мама даже отвела меня к врачу, которому я соврала о том, сколько калорий в день я потреб – ляю. И он поверил, что я толще, чем была на самом деле, потому что я воспользовалась советом, прочитанным все на том же сайте. Я надела много одежды и ботинки с толстой подошвой и положила

несколько кусочков свинца в карманы джинсов. И когда медсестра сказала, чтобы я встала на весы, они показали вполне разумный вес. И с того дня я стала есть всего один раз в день за ужином, чтобы отвязаться от родителей.

– Ты не толстая, – сказал Тайлер, на минуту оторвавшись от учебника и оглядывая меня. – Если на то пошло, тебе не повредит немного прибавить в весе.

– Ни за что, – ответила я. – Я хочу потерять еще не менее десяти фунтов.

Потеряв их, я стала бы весить меньше ста фунтов, а как было сказано на моем любимом сайте, единственный приемлемый вес мог исчисляться лишь двузначным числом.

– Ты с ума сошла. – Тайлер покачал головой, и его длинные светлые волосы упали ему на глаза. – Если ты еще похудеешь, ты просто аннигилируешь. Как твои сиськи.

– Эй! – сказала я, лягнув его в ногу. – Веди себя прилично!

Я сложила руки на груди и сгорбилась, хотя и знала, что он прав. С тех пор как мы с Тайлером познакомились, моя грудь с размера D уменьшилась так, что бюстгалтеры размера А стали велики. И втайне я была рада этому, потому что парни перестали бросать на меня странные взгляды.

– Я не это имел в виду, – идя на попятный, сказал Тайлер. – Ты по-прежнему хорошенькая и все такое, но ты здорово исхудала.

– Я знаю, – согласилась я. – Но это только потому, что мне это было нужно. Еще десять фунтов, и я буду выглядеть идеально.

– Как бы ты ни выглядела, для меня ты всегда идеальная, – признался Тайлер и тут же отвернулся, чтобы я не видела его лица.

– Спасибо, – сказала я.

Я была очень довольна. Он всегда знал, что и когда сказать.

Конечно, когда я поделилась с Дэниэлом этой историей, я преподнесла ее как забавный случай и не упомянула о том, что Тайлер назвал меня идеальной. Дэниэл знал, что моим лучшим другом был парень, потому что Хизер переехала в Сан-Франциско после первого курса колледжа, и Тайлер остался единственным, с кем я проводила больше всего времени.

– И между вами никогда ничего не было? – спросил меня Дэниэл, когда я рассказала ему о дружбе с Тайлером.

– Нет, – ответила я, хотя это было не совсем правдой. Но я, безусловно, не спала с ним, а именно об этом, как я решила, меня и спрашивал Дэниэл. – Он мне как брат.

– Это здорово, – сказал Дэниэл.

Он никогда больше не упоминал об этом. И я не стала рассказывать ему о ссоре, которая случилась у меня с Тайлером в прошлом августе. Я решила, что нет смысла поднимать этот вопрос.

Закрыв дверцу холодильника, я подошла к Дэниэлу и обняла его за талию.

– Знаешь, что плохого в умеренности?

– Ммм, – улыбнулся он. Протянув свою длинную руку, он положил ее мне на ягодицы. – Не уверен, что знаю.

Я поцеловала Дэниэла, скользнув кончиком языка по его губам.

– Сейчас я тебе это покажу, – сказала я, и спустя несколько мгновений наша одежда оказалась на полу, и мы принялись поздравлять друг друга с возвращением домой.

Тайлер

– Хикс!

Громкий голос Мейсона гулко прозвучал в туалете, отражаясь от стен. Я стоял у раковины и мыл руки, прокручивая в уме последние несколько часов, которые провел с Эмбер и обеими нашими семьями предыдущей ночью. Это был канун Нового года, и мы смотрели полуфинальный матч первенства колледжа по футболу, играли в покер и пили шампанское. Я все еще видел перед глазами ее веснушчатое лицо и искрящиеся глаза, когда она смеялась и старалась заставить своего отца поверить в ее блеф. И если бы я постарался, то почти почувствовал бы, как ее тело прижалось к моему, когда мы обнялись на прощание.

– Что? – отозвался я, схватив несколько бумажных полотенец, чтобы вытереть руки.

– К нам поступил звонок. Пожар в доме на Джефферсон-авеню.

– Сколько жертв? – спросил я, бросая полотенца в мусорную корзину.

Я повернулся и увидел, что Мейсон стоит на пороге, положив мускулистую руку на дверь. Моему напарнику было тридцать два года, он был колумбийцем по происхождению и являлся обладателем широких плеч и накачанного тела, которое он поддерживал в форме благодаря тому, что употреблял большое количество протеина и дважды в день занимался в тренажерном зале. Стоя рядом с ним, я чувствовал себя почти невидимкой в глазах любой женщины, которая могла оказаться поблизости. Но если эти дамы думали, что у них есть хотя бы малейший шанс заполучить Мейсона, их ждало жестокое разочарование. Он был счастливо женат на Джие, невысокой искрометной барышне, которая, как я уже говорил Эмбер, недавно родила ему дочь. Я не сомневался, что если какая-нибудь женщина попытается покуситься на ее мужа, Джия, несмотря на маленький рост, уложит ту на обе лопатки.

– Пока не известно, – сказал Мейсон, улыбнувшись и хлопнув ладонью по стене. – Собирай свои манатки, приятель. Нас ждут большие дела!

Он вздернул подбородок и запел фальцетом «Если бы я знал, как спасти жизнь».

Я хмыкнул и покачал головой, стараясь прогнать мысли об Эмбер, чтобы сосредоточиться на предстоящей работе. И это было главным, как сказал мой первый инструктор, когда я только начал учиться на фельдшера «скорой помощи». Если ты не сосредоточишься, люди умрут. Вот так все просто.

– Итак, хорошо провел вчерашнюю ночь? – спросил Мейсон, когда мы уселись на переднее сиденье кареты «скорой помощи» и он включил зажигание.

Мой напарник знал, что я попросил выходной исключительно из-за того, чтобы провести его с Эмбер, поскольку она планировала уехать уже на следующий день. Я редко признавался кому-нибудь в своих чувствах, но в последний год, сидя с Мейсоном по ночам в ожидании вызова, я начал рассказывать ему о нашей с Эмбер дружбе. О том, как мы познакомились и как были дружны в старших классах, и мой напарник просто догадался – и был совершенно прав, – что я питаю к девушке далеко не дружеские чувства.

– Как все прошло?

Мейсон так резко повернул, что мне пришлось упереться рукой в приборную панель.

– Вроде нормально, – сказал я, не желая признаваться в том, что мое сердце сжалось от тоски, стоило мне увидеть Эмбер на кухне в день ее приезда. И в том, что от одного ее запаха у меня подкосились ноги. И в том, что при малейшем ее прикосновении у меня перехватывало дыхание, и я начинал размышлять о том, что вдруг ее чувства ко мне наконец чудесным образом изменились и стали чем-то более глубоким. Ради моего напарника – и ради себя самого – я должен был притворяться, что мне достаточно ее дружбы.

– Она все еще живет с тем парнем?

– Да, – коротко ответил я.

– Прости, приятель, – пробормотал Мейсон.

Машина с визгом пронеслась на красный свет светофора и резко свернула на Джефферсон-авеню.

Я промолчал и уставился на красные пожарные машины, уже заполонившие улицу, радуясь, что не мне придется сражаться с огнем. Раньше я подумывал о том, чтобы последовать примеру отца и стать пожарным, но лишь потому, что я был еще слишком молод, а он всячески пытался заставить меня поверить в то, что у меня нет другого выбора.

– Ты должен ухватить этот мир за яйца, сын, – говаривал мой отец, положив свою толстую руку мне на шею. – Дай им понять, кто здесь босс! Мы вдвоем сделаем это! Команда Хиксов, на выезд!

До того как мы переехали в Беллингхэм и мои родители развелись, я с энтузиазмом кивал в ответ на подобные заявления. Но при этом у меня сводило желудок от страха, что я не оправдаю надежд отца. Я был мальчуганом, который относил умирающих пчел из дома на улицу и клал их в тенек, чтобы они провели последние минуты своей жизни мирно, в привычном для них окружении. Мальчуганом, который с трудом сдерживал слезы при виде бездомной собаки, бредущей по оживленной улице. Мальчуганом, который отдал свой любимый сэндвич с индейкой и сыром бездомному бродяге, сидевшему в одиночестве на скамейке в парке. Мальчуганом, чей отец, глядя на его нерешительность во всем, постоянно говорил, что он должен быть сильным.

Я поморщился, вспомнив тот день, когда решил, что ни за что не смогу выполнять ту работу, которую делал мой отец. Мне было тринадцать, и отец взял меня с собой в больницу, чтобы навестить дядю Кертиса. Он был лучшим другом папы, и они оба были на пожаре, когда одна из стен здания рухнула. Отец пострадал не сильно, но у Кертиса были ожоги третьей степени, и у него обгорело восемьдесят процентов тела. Я до сих пор помню запах антисептика в ожоговом отделении, который я почувствовал, едва мы вышли из лифта. Я помню пожарных, которые толпились в комнате ожидания, и рыдания Кристин, жены Кертиса. Она сидела на стуле, закрыв лицо руками, но когда появились мы с отцом, подняла голову.

– Привет, дорогой, – сказала она, протянув ко мне обе руки. Я нерешительно подошел к ней и позволил обнять себя. Когда мои родители были на работе, я проводил весь день в доме Кертиса и Кристин вместе с их дочерью Трейси. Мне нравилось общество Трейси, особенно когда мы запирались в кладовке и она разрешала мне поднять ее рубашку и потрогать начинавшую расти грудь. Она была первой девочкой, с которой я целовался.

Сейчас Трейси, с заплаканным лицом, сидела рядом с матерью, уставившись в пол. Ее черные волосы были небрежно завязаны в хвост, а худенькие плечи дрожали. Я не знал, что сказать.

– Можем мы с Таем повидать его? – спросил отец у Кристен, и она кивнула.

Я еще раз неловко обнял Кристен, и она крепко прижала меня к себе, впившись ногтями в мою спину. Казалось, что она отчаянно искала поддержку, которую я не знал как предложить.

Кертис – или то, что осталось от него, – лежал на кровати, не шевелясь. Волосы и брови сгорели, а единственная уцелевшая на теле кожа была красной и воспаленной. Остальные участки тела были обугленными и черными и блестели от какой-то мази. Частично его тело покрывали марлевые повязки. Его глаза были закрыты, к вене была присоединена капельница, а изо рта торчала трубка, через которую в его легкие поступал кислород. Он выглядел ужасно, как какой-нибудь монстр.

– Привет, дружище, – сказал отец, подходя к кровати, на которой лежал его лучший друг. Он судорожно глотнул. – Это я и Тай. Он хотел повидаться с тобой.

Я прижался к двери и затряс головой, когда отец жестом велел мне приблизиться.

– Иди сюда, – сквозь зубы прошипел отец.

Он резко помрачнел, а во мне взметнулся страх от такого явного неподчинения отцу, в воздухе висел запах горелого мяса, и внезапно у меня скрутило желудок. Я бросился к мусорной корзине, и меня вырвало. Меня рвало до тех пор, пока внутри уже ничего не осталось.

Когда я наконец выпрямился, я посмотрел на отца.

– Прости, – пробормотал я.

Мои глаза слезились, а горло жгло огнем. И я старался не смотреть на Кертиса, опасаясь, что мне опять станет плохо.

Отец сделал шаг и схватил меня сзади за шею своими жесткими, толстыми пальцами.

– Черт, – прошипел он и повел меня из комнаты. По дороге домой, сидя в машине, отец читал мне проповедь о братстве и ответственности перед друзьями.

– Будь мужчиной, сын, – говорил он. – Это единственное, чего я хочу от тебя.

И даже сегодня я мог слышать презрение, звучавшее в голосе отца. И я чувствовал стыд, который навсегда поселился в моем сердце.

– Ты готов? – спросил Мейсон, прерывая ход моих мыслей.

Он припарковался как можно ближе к месту происшествия. Я кивнул, глядя на дом, который был уже весь охвачен пламенем. И я подумал о том, что здание, наверное, уже нельзя спасти. И о том, смогли ли люди, находившиеся в нем, выбраться из пламени. Или смогли ли пожарные спасти их. И я надеялся, что единственным, что превратится в пепел, были эти стены. С годами я понял, что моя реакция при виде Кертиса была не следствием того, что я не смог справиться с шоком. Просто я испугался, что, если пойду по стопам отца, я закончу так же. Я буду лежать, обгоревший, на больничной койке и, как Кертис, скончаюсь через три дня. И случилось так, что мне суждено помогать таким людям, как он, помогать пострадавшим в несчастных случаях.

Сообщив диспетчеру, что мы прибыли на место происшествия, мы с Мейсоном обежали карету «скорой помощи», открыли задние дверцы и вытащили каталку. Схватив все необходимое, мы побежали по улице к горевшему дому. Я успел окликнуть одного из пожарных.

– Сколько?

– Всего один, – сказал пожарный, указывая на двор соседнего дома.

Восемь пожарных стояли вокруг полыхавшего дома; четверо из них держали длинные шланги, пытаясь потушить пламя, языки которого вздымались высоко к небу. Еще один пожарный стоял на коленях возле лежавшей на траве

миниатюрной женщины.

– Что у нас? – спросил Мейсон, когда мы подбежали к ним.

– Надышалась дымом. Женщина, без сознания, примерно двадцать лет. Дыхание ровное, но хриплое. Соседи говорят, что ее зовут Молли. Больше никого в доме не было.

Пожарный поднялся и отошел, уступая мне место, и я взялся за дело. Сначала проверил пульс. Он был ровным и сильным, что было хорошим знаком. Потом я взял у Мейсона кислородную маску и прижал ее к носу и губам женщины.

– У нее легкие ожоги на крыльях носа, – сказал я.

Я осмотрел все тело и нашел несколько ожогов на лодыжках. Они были красные и вздувшиеся – похоже на вторую степень. Потом я произвел все обычные действия – проверку дыхания и циркуляцию крови.

– Цвет кожи неплохой.

Мейсон надел на руку Молли манжету, чтобы измерить давление, и внезапно она начала кашлять, судорожно схватившись рукой за кислородную маску. Она открыла глаза и стала отчаянно крутить головой, пытаясь сообразить, где находится.

– Все в порядке, – сказал я, дотронувшись до ее руки кончиками пальцев, чтобы успокоить беднягу. – С вами все будет хорошо. Вы пострадали во время пожара, но сейчас вы в безопасности. Постарайтесь лежать спокойно.

Она еще немного покрутила головой, но было похоже, что она услышала мои слова, потому что вскоре затихла, и лишь глаза на ее лице с беспокойством оглядывали нас. Я положил руку ей на плечо, а Мейсон уверенно ввел иглу в вену на ее правой руке.

– Мы сейчас поставим вам капельницу и введем обезболивающий препарат.

Я знал, что ее легкие сейчас воспалены, и мне прежде всего нужно было удостовериться, что она не отравлена угарным газом или цианидом, образовавшимся при горении строительных материалов, которые могли быть использованы для отделки дома. Такое отравление могло легко привести к летальному исходу, но то, что она была в сознании, было хорошим признаком. Но нам нужно было как можно быстрее доставить ее в больницу, чтобы врачи могли провести все необходимые анализы.

– У вас ожоги на ногах, но не беспокойтесь, они кажутся не такими уж страшными. Мы позаботимся о вас, – сказал я.

Она кивнула, не сводя глаз с моего лица. Я улыбнулся, стараясь, чтобы это выглядело обнадеживающе.

– Я просто проверяю, нет ли у вас переломов, – добавил я, ощупывая ее руки, ребра, бедра и ноги. Все кости, казалось, были целы. Я посмотрел на Мейсона, который закончил устанавливать капельницу. – Можем трогаться?

– Да, – кивнул Мейсон. Он пододвинул каталку вплотную к нам. – Держись, милая, – сказал он. – Сейчас мы поднимем тебя и положим на волшебные носилки. И кто знает... может быть, Тайлер окажется твоим прекрасным принцем.

Он подмигнул Молли, которая была еще не в том состоянии, чтобы понимать шутки. Мейсон решительно попытался сосватать мне всех симпатичных незамужних пациенток, с которыми нам приходилось иметь дело. Иногда это раздражало, но я знал, что напарник просто хочет для меня такого же семейного счастья, какое было у них с Джией. Я тоже хотел этого, но какие бы женщины ни встречались мне, в глубине души я сравнивал их с Эмбер, и это сравнение было не в их пользу.

Я понял, что хочу работать в «скорой помощи», девять лет назад, когда родители Эмбер куда-то уехали, и я нашел ее в бессознательном состоянии, лежавшей на ворсистом голубом ковре рядом с кроватью. Я помню, как плакал, когда позвонил по номеру 911 и сказал диспетчеру, что она не дышит. Я помню, как приехали парамедики, как они докладывали по рации о ее состоянии, чтобы врачи в отделении «скорой помощи» знали, чего ожидать. Я наблюдал, прижав руку к губам, как они делали ей искусственное дыхание, и когда они смогли

запустить ее сердце, я подумал, что это именно то, чем я хотел бы заниматься в жизни. Спасать людей.

У меня на глазах выступили слезы, когда я вспомнил ужас, который охватил меня в ту ночь. Больше всего на свете я боялся потерять Эмбер, но я, как мог, скрывал это от нее. Когда она летом рассказала мне про Дэниэла, это чувство охватило меня прежде, чем я успел взять себя в руки. А ее слова «ты просто ревнуешь» не только причинили мне боль, но и заставили осознать, что это правда. И к тому же я понял, что я не такой хороший актер, как мне казалось. Мне удалось удержаться и не упасть перед ней на колени, умоляя о любви, только благодаря тому, что я попросил ее немедленно уйти, а сам закрылся в спальне и стал лупить кулаком по дубовому шкафу, пока на костяшках не образовались синяки.

Я был счастлив, что нам удалось преодолеть возникшее между нами напряжение. Потому что правда заключалась в том, что я не мог представить себе жизни без нее. При первой же нашей встрече что-то во мне навсегда изменилось. И я не переставал надеяться, что однажды это что-то изменится и в Эмбер.

В шесть часов утра, спустя четыре часа после того, как Мейсон и я благополучно доставили Молли в больницу, закончилась наша смена. Уставшие и молчаливые, мы вернулись на станцию, чтобы убраться в машине и пополнить запасы медикаментов. Когда с этим было покончено и мы направились к собственным автомобилям, Мейсон взглянул на свой телефон и сказал:

– Не хочешь заглянуть к нам? Джия говорит, что печет вафли.

– В самом деле? – спросил я, отлично зная, что ее кулинарные изыскания ограничивались приготовлением макарон с сыром.

Мейсон ухмыльнулся:

– Ну, возможно, она просто разогревает вафли в тостере. Но главное ведь – благое намерение. Может быть, она даже ухитрится не сжечь их.

Я рассмеялся, подумав о пользе того, что для поддержания сил мой напарник в основном питается протеиновыми коктейлями и готовыми запеченными куриными грудками, которые покупает оптом у местного мясника.

– Ну, ладно, – сказал Мейсон. – Увидимся позже.

– Не сомневайся.

Выехав на шоссе, я прибавил скорость, размышляя, что, несмотря на усталость, я вряд ли смогу уснуть. Я часто чувствовал себя взвинченным после работы. Словно через меня пропускали электрический ток, и я мало что мог сделать, чтобы сбросить напряжение. Мое обучение в медицинском колледже помогло мне понять, что приступы паники, с которыми я боролся еще с детства, были следствием каких-то химических реакций в мозге. Что моя реакция на стресс была обусловлена особой физиологией. Но по мере того, как я становился старше, особенно после выматывающих нервы рабочих дней, когда нам приходилось иметь дело с тяжелыми случаями, ощущения, которые я испытывал, становились не только психологическими, но и физическими. Мне стало не хватать дыхания, мускулы начинали болеть, а кожа горела огнем, словно ее посыпали горячими углями. О том, что иногда эти ощущения становились просто невыносимыми, я никогда никому не говорил – ни Мейсону, ни матери, ни даже Эмбер. Я просто пытался изо всех сил побороть их, чтобы они не могли управлять мною.

И сейчас, сжимая руль, я почувствовал, как мускулы на ногах напряглись. Непроизвольно я сильнее нажал на газ. Не включая поворотные огни, я перестроился в другой ряд, едва избежав столкновения с белым седаном. Я ссутулился и стал размышлять, смогу ли я превзойти свой рекорд и доехать от станции до дома меньше чем за десять минут. И для этого мне нужно было разогнаться до ста миль в час. Взглянув на спидометр, я увидел, что он уже показывает восемьдесят.

Я почувствовал, как напряжение в теле возрастает вместе с увеличением скорости до девяноста миль в час. Прощмыгнув под носом у красного «фольксвагена», я снова перестроился, чтобы не прозевать нужный поворот. Я услышал, как мне сигналият, и резко затормозил. По мере того как скорость падала, мое сердцебиение становилось реже. Эта сумасшедшая гонка, завершающаяся выбросом адреналина, была единственным способом для меня сбросить напряжение и расслабиться.

Я жил всего в нескольких кварталах от шоссе. Это была маленькая квартирka с одной спальней, и в крохотной гостиной с трудом помещался небольшой диванчик, который я приобрел на распродаже всего за пятьдесят долларов. В обеих комнатах на стенах висели плазменные телевизоры. На полу в спальне лежал матрас, и вместе с ванной и кухней это было всем, что мне требовалось.

Сейчас, в свои двадцать пять лет, я иногда задумывался над тем, чтобы найти более комфортабельное жилье, подходящее для взрослого человека, что бы это ни значило, но моя квартирka была дешевой, и соседями были в основном студенты, что меня очень устраивало, учитывая мой сумасшедший график. Я большей частью дежурил по ночам. Днем, когда я спал, они все были на занятиях, а по ночам обычно гудели до утра. Хотя они все знали, что я парамедик, и иногда ломились в мою дверь, когда кто-нибудь из них напивался до потери сознания, и они хотели удостовериться, что он не умрет.

Припарковавшись на маленькой стоянке позади дома, я открыл входную дверь и, оказавшись в квартире, сразу же направился на кухню в поисках еды. В холодильнике пылилась только одинокая пицца, и я сунул ее в микроволновую печь, а сам пошел в ванную, чтобы переодеться.

Я проглотил пиццу, стоя рядом с умывальником, выпил стакан воды и, войдя в спальню, рухнул на кровать, подложив под спину несколько подушек. Включив телевизор, больше для фона, я увидел в новостях репортаж о пожаре, случившемся где-то в Такоме. И сразу же подумал о Молли. Мне было интересно, как она себя чувствует. Это часто бывало самым тяжелым в моей работе. Я не знал, что происходило с людьми, которых я отвозил в больницу. Хотелось думать, что с ней все в порядке. Я должен был убеждать себя в этом, чтобы иметь силы для того, чтобы продолжать делать то, что делаю.

Потом я стал думать о том, что сейчас делает Эмбер. Она сейчас с Дэниэлом или уже в тренажерном зале, готовится приступить к работе? Я схватил телефон, собираясь отправить ей сообщение, но потом вспомнил, что дал себе слово выждать хотя бы пару дней после того, как мы виделись последний раз. Я не хотел, чтобы Эмбер думала, будто я все время думаю только о ней. Хотя это было правдой. Но ей было необязательно это знать.

Вместо этого я начал вспоминать о том, как Эмбер провела почти три месяца в больнице на второй год обучения в колледже. Врачи сразу же стали кормить ее

через трубку, чтобы она не умерла от истощения. И я вспомнил, как случайно подслушал, как один из фельдшеров сказал, что это один из самых тяжелых случаев анорексии, которые он когда-либо видел. И что некоторые онкологические больные весили больше, чем Эмбер, даже после нескольких сеансов химиотерапии.

– Что было последним, что ты помнишь? – спросил я Эмбер, когда она уже немного пришла в себя и могла говорить. Я бывал у нее каждый день после занятий, сидя просто рядом с ее кроватью, неважно, спала ли она или бодрствовала. И когда она спала, я наблюдал за ней. За тем, как дрожат закрытые веки, как ее кости выпирают под больничной сорочкой.

Но в тот день, когда она очнулась после недельного пребывания в больнице, она повернула голову, чтобы посмотреть на меня, и сдернула с лица кислородную маску.

– Я помню, как поднималась по лестнице и у меня кружилась голова, – ответила она. – А потом... я очнулась уже здесь. – Она перевела взгляд на торчавший у нее из груди катетер. – Скорее бы они убрали эту трубку. Я чувствую, как я из-за нее толстею.

– Ты шутишь? – возмутился я. Вскочив со стула, я ухватился за спинку кровати. – Из-за отказа от еды ты сюда и угодила. Ты не смеешь снова делать такие глупости, поняла? Это убьет тебя. Уже чуть не убило.

– Меня погубит лишний вес, – прошептала она.

И тут я не удержался и расплакался. Не тихо и молча. Я рыдал в голос. Мои плечи тряслись, и слезы текли по щекам, скатываясь ей на руку.

– Ты не умрешь, – проговорил я надтреснутым голосом. – Поняла? Ты единственный человек, который что-то значит для меня. Ты обязана поправиться.

Она закрыла глаза и отвернулась, чтобы не видеть меня. Я снова сел на стул и попытался взять себя в руки.

– Я никуда не уйду, – запальчиво сказал я, шмыгнув носом. – Ты не можешь заставить меня.

При этих словах она рассмеялась. Это был сухой, надорванный смех.

– Сколько тебе лет, шесть? Не будь ребенком. Со мной все будет в порядке. Я поправлюсь.

– Обещаешь?

Она снова повернулась и посмотрела на меня.

– Да. Нет. Наверное. – Она вздохнула. – Не знаю. Я чертовски устала и не могу решить так сразу.

– Давай заключим договор, – сказал я, когда мне в голову неожиданно пришла идея.

– Какой? – спросила она с подозрением.

– Если ты будешь делать все, что тебе говорят врачи, я имею в виду групповую терапию, разговоры с психологом и прочее, и если ты снова начнешь есть, я с шиком отвезу тебя на мой выпускной бал. Надену смокинг, найму лимузин и все такое прочее.

– Это становится интересным – сказала она, приподняв правую бровь.

Ее дыхание было затрудненным. Врач сказал, что ее сердце все еще не оправилось после того приступа, когда я нашел ее лежавшей на полу. В результате большой потери веса сердечная мышца ослабла, как и все остальные мускулы. Эмбер пропустила столько занятий из-за состояния здоровья, что это было похоже на то, что ей придется остаться на второй год. И она закончит колледж только в девятнадцать лет, что означало, что в университет она поступит лишь в двадцать. Родители показывали ее разным врачам и консультантам, отчаянно нуждаясь в посторонней помощи, чтобы заставить дочь есть.

– Ты никогда не бывал на танцах. Ты всегда говорил, что это занятие для идиотов или для чирлидирш.

– Знаю. И это должно показать тебе, что я серьезно настроен сделать все, что угодно, лишь бы помочь тебе выздороветь.

Она была права, я всегда считал, что танцы в школе предназначены только для самых популярных ребят, а не для таких парней, как я, которые предпочитают проводить пятницу у телевизора, смотря документальные фильмы, а не в полумраке в пропахшем потом спортивном зале, притворяясь, что им жутко весело. Эмбер же обожала танцы. И если мне пришлось бы идти на выпускной бал, я не хотел бы пойти туда ни с одной другой девушкой. Я протянул руку.

– Договорились?

Она минуту молча смотрела на мою руку. Ее глаза немного оживились, и наконец она слабо кивнула. Она протянула исхудавшую руку, чтобы пожать мою.

– Заметано. Но тебе придется там танцевать, а не подпираять стены, глядя на остальных.

Я согласился, и когда Эмбер стала понемногу поправляться, ее психическое состояние тоже стало меняться к лучшему. Она попала в больницу в начале января, а вышла из нее лишь в конце марта, потому что в начале лечения, несмотря на наш уговор, она выдернула катетер, через который ее кормили. И ее не раз заставляли за тем, что она вызывала рвоту после того, как медсестра насильственно ее покормит. Так что процесс был нелегким, и она набрала в больнице всего двенадцать фунтов. Но по возвращении домой она стала посещать психотерапевта и группу для людей, страдающих пищевыми расстройствами. И к выпускному балу она уже выглядела больше похожей на ту Эмбер, которую я знал и любил.

Теперь, лежа в постели, я снова возвращался мыслями к тому выпускному балу, и внезапно то напряжение, которое владело мной, пока я ехал в машине, вернулось с новой силой. Я усилием воли заставил себя думать об Уитни, которая наверняка сейчас была у себя дома, наверху. Я вспоминал, какие чувства испытывал, находясь внутри нее, когда ее юное упругое тело прижималось к моему. И хотя я был очень уставшим, я выключил звук

телевизора, схватил мобильный телефон и написал короткое сообщение, приглашая ее присоединиться ко мне.

«Не перестаю думать о тебе. Приходи», – написал я.

Это была не просьба, а требование, и я знал, что, как бы я ни сформулировал свое желание, Уитни обязательно послушается.

«Я даже еще не встала с постели», – ответила она через несколько секунд.

«Отлично, и я тоже».

Я закончил сообщение улыбающимся смайликом и стал ждать. Молчание затянулось, поэтому я написал еще одно.

«Ну же, приходи. Ты сама знаешь, что хочешь этого».

Я не мог больше терпеть это острое, мучительное чувство, эту тяжесть в груди, которая мешала мне дышать.

Мне нужно было что-то предпринять, чтобы испытать облегчение.

«ОК», – написала Уитни, и мое тело сразу же начало расслабляться.

Я знал, что в настоящий момент сойдет и просто секс, он поможет прогнать дискомфорт, который, как я подозревал, можно было излечить лишь одним способом.

Эмбер

Мы едем по шоссе на юг. Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем Тайлер снова заговорил.

– Эмбер, пожалуйста, – говорит он. – Не делай этого.

– Не делать чего?

Я сильнее сжимаю рукоять пистолета, его вес для меня непривычен и неудобен. Отец научил меня стрелять, когда мне было шестнадцать, исключительно в целях самозащиты. Но у меня до сих пор не появлялось повода взять в руки оружие. До сегодняшнего вечера. До того момента, пока это не стало для меня единственным выбором.

– То, что ты надумала сделать, – говорит Тайлер, искоса посмотрев на меня. Его зеленые глаза останавливаются на оружии, которое я держу.

– Просто поезжай дальше, – отвечаю я, глядя на длинное прямое шоссе, простиравшееся впереди.

Я была одна в доме тем вечером, когда стащила у отца со стола ключ от сейфа. Я стояла в его кабинете, ощущая холодную сталь в руке и говоря себе, что, когда я захочу разобраться с Тайлером, пистолет поможет мне оставаться сильной. Он напомнит мне, что, в отличие от той ночи, когда он изнасиловал меня, теперь я хозяйка положения. Я хотела, чтобы ему стало страшно. Чтобы его тело содрогнулось от ужаса, такого же, какой он заставил меня испытать тогда, в июле. Чтобы его охватил леденящий холод, чтобы его тошнило, чтобы он стал мечтать о том, чтобы все, что бы я ни задумала сделать с ним, произошло как можно быстрее. На самом деле это была глупая идея, потому что он не сможет почувствовать того, что ощущала я той ночью. Я не смогу отобрать у него то, что он отобрал у меня.

Я испытываю легкое головокружение, чувство, которое мне так нравилось прежде, но которое сейчас кажется осточертевшим. Я не могу выбросить из головы подробности той ночи. Битком набитый зал. Запах алкоголя и пота. То,

как я танцевала. Количество выпитых рюмок текилы. И как Тайлер повел меня наверх. И даже в те редкие мгновения, когда мне удается забыть обо всем этом, мое тело продолжает помнить. Оно помнит, поэтому все повторяется снова и снова.

Я стараюсь сосредоточиться на том, что будет дальше. Я хочу заставить Тайлера отвезти меня в наш загородный домик на берегу реки Скайкомиш. Наши семьи отдыхали там вместе не один раз. Мы ездили туда по выходным весной, потом на уик-энд в День поминовения[7 - Национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая.] и по меньшей мере на целую неделю летом. Мы подолгу ходили по лесу, а по вечерам разжигали костер и, сидя у костра, рассказывали страшные истории с привидениями. В доме не было ни электричества, ни воды. Это был бревенчатый двухэтажный дом с камином и уборной во дворе. Он находился в часе езды от цивилизации и достаточно уединенно, чтобы никто не мог услышать выстрела.

– Мне так жаль, – шепчет Тайлер. – Если бы ты могла...

– Могла что, Тайлер? – подняв голос, отвечаю я. – Простить тебя? Да будь ты проклят!

Даже выкрикнув это, я с трудом могу поверить, что это с ним я так разговариваю. Что Тайлер, тот мальчик, который после школы сидел рядом со мной в больнице три месяца кряду, заставляя меня смеяться и делая все возможное, чтобы я снова захотела жить, теперь был причиной того, что мне хочется умереть.

Я снова вспоминаю тот день, когда он пригласил меня на выпускной бал. Даже в самое мрачное время, когда я была под замком в больнице, меня не оставляло чувство восторга, что я буду одной из очень немногих второкурсниц, приглашенных на выпускной бал. И это чувство поддерживало меня, когда я была вынуждена ходить на групповое лечение и на занятия с психотерапевтом, Гретой, чья работа заключалась в том, чтобы помогать мне поправиться.

– Что так пугает тебя в еде? – спросила она меня в самый первый раз, когда я встретила с ней.

Это была светловолосая, крепко сбитая немка с сильным акцентом.

– Не знаю. Я боюсь растолстеть, наверное.

– И что в этом будет такого ужасного?

Я пожала плечами:

– Никто не хочет быть жирным.

Располнеть легко, думала я. А чтобы быть худой, нужно приложить усилия. Для этого требуется мужество и целеустремленность. Та внутренняя сила, которой многим не хватает.

– Сомневаюсь, что большинство людей мечтают быть худыми настолько, что их сердце откажется работать, – сказала Грета, со значением посмотрев на меня. – Никто не захочет оказаться в больнице с поврежденными почками, низким давлением и с катетером, через который его будут насильственно кормить. – Она сделала паузу, чтобы я смогла осмыслить ее слова. – Тебе нравится находиться здесь? Пропускать занятия в школе? Не видеться с друзьями?

Я снова пожала плечами. Потому что, по правде говоря, кроме Тайлера у меня не было друзей. Хизер переехала в другой город, и я мало общалась с девочками из своего класса. По большей части они не любили меня. Я никогда не ходила с ними в столовую, потому что проводила обеденный перерыв в спортивном зале, делая приседания, прыжки и отжимания. И я не принимала редких приглашений вместе отправиться по магазинам или в кино, потому что в те часы, когда я не была в школе, я придерживалась строгого графика разнообразных упражнений. В их числе была пробежка на полтора часа, как только я возвращалась из школы, потом час или два ритмической гимнастики у себя в комнате, перед тем как выдержать пытку ужином в компании родителей. Со временем меня перестали куда-либо приглашать, и я решила, что девчонки просто завидуют моей худобе. И их зависть стимулировала больше, чем какая-либо еда.

– Что для тебя значит быть худой? – спросила Грета. – Что ты от этого получаешь?

– Просто я такая, – ответила я.

Я рассказала ей о своем рождении и о том, что поздно пошла в школу, и о том, что мне уделяли больше внимания и носились со мной из-за моей белезненной миниатюрности. И я рассказала то, как начала набирать вес и впала в панику.

– Итак, быть худой значило для тебя быть особенной, – подытожила она. – И может быть, лучше тех, кто не был таким худым?

– Наверное, – медленно выговорила я.

Меня смутило то, что она так быстро догадалась о моем самом большом секрете, которым я ни с кем не делилась.

– Ну, хорошо, – сказала Грета. – А можешь ты на минуту представить, что все это никакого отношения не имеет к твоему весу и к еде? Может быть, все дело в твоей самоидентификации? В том, какой ты себя видишь? По воле обстоятельств ты чувствуешь себя не такой, как все, и мысль о том, что ты станешь одной из них, безумно пугает? Может быть, когда ты боялась набрать вес, все дело было в том, что ты боялась потерять себя?

– Может быть, – прошептала я, уставившись в пол.

– Твои мысли гораздо сильнее, чем ты полагаешь, Эмбер. Ты привыкла отождествлять удобу и превосходство над другими. Чувство собственной ценности и озабоченность внешним видом – все это настолько переплелось в твоем мозгу, что ты стала воспринимать это как одно целое. Нам нужно постараться и разделить эти две концепции, а потом научиться думать по-новому.

– Похоже, это будет весело, – сказала я, симулируя беззаботность, которой не чувствовала.

– Это не весело, – возразила Грета. – Но это вопрос жизни и смерти. Нам предстоит сосредоточиться не на том, чтобы ты набрала вес, а на поиске эмоционального и психического равновесия. На поиске нового и правильного подхода к определению «быть сильной». – Она снова сделала паузу. – Скажи мне кое-что. Ты хочешь умереть или выздороветь?

Я не знала, что ответить. Я подумала о родителях и о Тайлере, о том, какими они были напуганными, когда в первый раз увидели меня на больничной койке. Я знала, как они любили меня, и какими несчастными они будут, если мое сердце откажется функционировать. Я подумала о ненависти к себе, которая не оставляла меня, несмотря на то, сколько бы времени я обходилась без еды или какой бы маленькой ни была цифра на весах. И я почувствовала отчаяние и желание попросить о помощи.

– Я не хочу умереть, – прошептала я, сдерживая слезы.

– Очень хорошо, – сказала Грета. – Я тоже не хочу, чтобы ты умерла.

И так началось мое выздоровление. С приглашения Тайлера на выпускной бал и с мягких, но настойчивых увещеваний Греты. Сначала мне приходилось нелегко. Особенно после того, как я познакомилась с другими девочками в отделении и поняла, что на самом деле я не была какой-то особенной. Что я была для врачей просто еще одной из «тех дурочек», которые попали в ловушку из-за неумного желания быть худыми. Мне пришлось заново переосмыслить то, что я думала о самой себе. Понять, что быть миниатюрной вовсе не означает быть лучше других, особенно если ты становишься такой худой, что у тебя начинают выпадать волосы, а внутренние органы перестают работать. Я постоянно должна была сражаться с желанием ограничить потребление пищи, потому что чем голоднее я была, тем сильнее себя чувствовала. Я страстно хотела снова почувствовать превосходство над другими девочками, вспоминая, с какой завистью они смотрели на меня. И я боялась, что мне никогда не удастся научиться глядеть в зеркало и быть счастливой тем, как я выгляжу.

После того как я вышла из больницы, мне пришлось постоянно бороться с собой, чтобы опять не сойти с правильного пути. Осенью я вернулась в колледж, чтобы снова начать учиться на втором курсе, который я почти весь пропустила. В конце сентября мне исполнилось семнадцать лет. Я была на два года старше одноклассников, отчего мне было еще сложнее завести друзей. Я чувствовала себя не такой, как все. Обособленной. Я была больной девушкой, которая была настолько глупа, что похудела до такой степени, что чуть не умерла. И поэтому я проводила все время за занятиями и общением с Тайлером, который к тому времени учился в Беллингхэмском техническом училище на парамедика. Мы по-прежнему по воскресеньям смотрели футбол с моим отцом и посещали все игры нашей университетской команды. Глядя на игроков, гонявших по арене мяч, я размышляла о том, каких диет они вынуждены придерживаться и какие

физические нагрузки помогают им поддерживать в форме свои тела. И до меня наконец стало доходить то, о чем мне говорила Грета, – что я должна найти другое определение для понятия «быть сильной». Эти игроки вдохновляли меня, и, когда я отправлялась на пробежку или занималась поднятием тяжестей, я старательно заставляла себя не думать о том, сколько калорий я сжигаю, а вместо этого сосредоточиться на том, чтобы стать сильной и выносливой.

Но даже при всем этом только после того, как я окончила колледж, переехала в Пульман и прослушала первый курс по диетологии в университете, что-то начало меняться во мне фундаментально. Изучая то, как питание отражается на работе наших внутренних органов, я стала рассматривать тело как машину, которой нужно горючее, и полностью перестала воспринимать его как показатель моей личностной ценности. И постепенно навязчивые идеи о еде и физических нагрузках стали меньше беспокоить меня, и я смогла смотреть на них по-другому. Я перестала фиксировать свое внимание на том, чтобы стать как можно более худой, и вместо этого сосредоточилась на том, чтобы стать здоровой и выносливой.

Конечно, бывали времена, когда мне снова приходилось бороться с собой – когда брюки начинали с трудом застегиваться на мне или когда весы показывали, что я набрала несколько фунтов. В рефлексивной панике я переставала есть и увеличивала физическую нагрузку. Но чаще всего мне удавалось остановиться прежде, чем я заходила слишком далеко. Я смотрела по выходным дням все матчи местной университетской футбольной команды, либо на стадионе, либо по телевизору, и постепенно в моей голове зародилась идея стать тренером команды НФЛ. К тому времени, как я познакомилась с Дэниэлом, я уже училась на последнем курсе университета и гордилась принятым решением использовать свой самый горький опыт для того, чтобы учить других быть сильными, уравновешенными и здоровыми.

– Ты помнишь, что я надела на выпускной бал? – спрашиваю я Тайлера.

– Что? – говорит он, снова бросив на меня взгляд.

– Смотри на дорогу, – приказываю я, потом откашливаюсь. – Твой выпускной бал. Ты помнишь мое платье?

Ему не обязательно знать, зачем я это спрашиваю. Ему просто нужно ответить на вопрос.

Он кивает, следуя моему указанию смотреть на дорогу.

– Какого цвета оно было?

Я чувствую, как колеса соприкасаются с асфальтом, и их движение отзывается во мне вибрацией, но вместо того, чтобы, как обычно, успокаивать меня, этой ночью оно только усиливает выброс адреналина в кровь.

– Зеленого. Темно-зеленого.

– А ты помнишь, что случилось после танцев, в твоей машине?

– Эмбер, – начинает он, но я прерываю его.

– Ты помнишь, Тайлер? Отвечай мне. – Последние два слова я произношу сквозь сжатые зубы.

Он делает глубокий медленный выдох.

– Конечно. Мы разговаривали, и я... я поцеловал тебя.

– И что сделала я?

– Ответила на мой поцелуй.

– А потом?

– Оттолкнула меня.

– Верно.

Я думаю о том моменте, когда Тайлер наклонился и прижался губами к моим губам. Это был первый поцелуй в моей жизни. Сначала я не знала, как

реагировать, и просто позволила этому произойти. Я закрыла глаза и разомкнула губы, позволяя ему проникнуть в мой рот и коснуться моего языка. Но потом в голове зазвенел звоночек, как бы предупреждая меня об опасности, о том, что все пошло не так, как надо.

– Не нужно, – сказала я тогда, положив ему ладони на грудь.

– Эмбер, пожалуйста, – ответил он, словно эти слова были молитвой.

– И потом ты сказал, что любишь меня, – говорю я. – Что ты влюблен в меня.

Я помню выражение его лица, беззащитность в его глазах.

– А ты сказала, что не любишь меня, – говорит он. – Не в этом смысле. И никогда не полюбишь.

– Но я любила тебя. Ты был моим лучшим другом. – Мои глаза щиплет от слез, и я с трудом сглатываю ком в горле, похожий на скрученную колючую проволоку. – Я сказала тебе это. Я объяснила, как много ты значишь для меня. Но ты все равно перестал общаться со мной. Ты не смотрел на меня, когда мы встречались в колледже, ты не приходил к нам все лето. Ты полностью вычеркнул меня из своей жизни. И понадобилось несколько месяцев, чтобы мы вернулись к прежним отношениям.

– Мне было больно, – говорит он.

Все мое тело напрягается. Я хочу сказать ему, что он не знает, что такое больно. Что такое испытывать такую боль, что тебе хочется соскрести с тела кожу, отделить мускулы от костей, чтобы добраться до черной, болезненной травмы и освободиться от нее.

– Ты что, старался наказать меня? – спрашиваю я вместо этого. Я снова повышаю голос, наконец подходя к тому, зачем я спросила его о выпускном бале. – Ты поэтому сделал это? Чтобы отплатить мне за то, что я отвергла тебя? За то, что я влюбилась в Дэниэла?

– Господи, нет, – отвечает Тайлер, и я слышу муку в его голосе. – Я не... я никогда не... я понятия не имею, как это случилось, Эмбер.

– Это случилось не просто так, Тайлер, – говорю я. Слезы катятся по моим щекам, и я ненавижу себя за это. Ненавижу, потому что это делает меня слабым. Но я не слабая. Я сейчас как бомба, которая вот-вот взорвется. – Это не было тем, чем ты не мог управлять. Ты сам сделал этот выбор. И тебе придется держать ответ за свои чертовы поступки. Будь мужчиной.

Я смотрю на его реакцию на те слова, которые любит произносить его отец. Те слова, которые, как мне хорошо известно, он люто ненавидит. Он не смотрит на меня, но его длинные пальцы сильнее сжимают руль. Его грудь вздымается, словно он старается контролировать дыхание. Словно он хочет найти подходящую фразу.

– Если бы можно было изменить прошлое, – говорит он наконец тихим размеренным голосом. – Ты должна знать, что я все отдал бы, чтобы этого не случилось. Я сделал бы что угодно.

– Слишком поздно.

Я поворачиваю голову к окну и смотрю в темноту, проводя пальцами по холодному стальному дулу пистолета. И думаю о том, что есть такие раны, которые нельзя залечить словами и мольбой о прощении. Я думаю об этом и думаю о Тайлере. О том, что некоторые вещи простить нельзя.

Тайлер

Я проснулся утром в день приема, который устраивали родители Эмбер по случаю окончания ею университета, и почувствовал себя так, словно мне на грудь поставили наковальню. Было начало июня, и наши с Эмбер отношения оставались по-прежнему хорошими. Мы переписывались по меньшей мере по несколько раз в неделю после того, как в последний раз виделись на Рождество, и сообщали друг другу о важных и неважных событиях в нашей жизни. Мы разговаривали о ее учебе, о моей работе и о последнем по счету идиоте, с

которым встречалась моя мама. Но сообщение, которое она прислала мне накануне, явилось для меня настоящим шоком.

«Дэниэл сделал мне предложение, и я ответила согласием», – написала Эмбер.

Она хотела, чтобы я узнал об этом до того, как увижусь с ним, когда они приедут к ее родителям.

«Я только что закончила говорить с мамой и папой и хочу, чтобы ты услышал обо всем этом от меня», – продолжала она.

«Здорово! Я рад за вас, ребята. Поздравляю», – с трудом ухитрился ответить я, несмотря на то, что в голове зазвенело.

Я знал, что на это больше нечего сказать. Все остальное будет бесполезным.

«Спасибо», – написала Эмбер и поставила в конце улыбающийся смайлик.

«С нетерпением жду встречи с ним», – соврал я.

Бойфренд Эмбер, точнее, ее жених, должен был приехать в Беллингхэм всего на два дня перед началом летней сессии в университете в Сиэтле.

– Он настоящий трудоголик, – сказала мне Эмбер несколько недель назад. – Он записался на пару семинаров, которые, как сказал его научный руководитель, помогут поступить сразу на второй курс медицинского факультета.

Сама Эмбер собиралась провести лето дома, устроившись работать, чтобы скопить немного денег. А осенью она планировала вернуться к Дэниэлу.

И вот, спустя двадцать четыре часа после того, как она сообщила мне о своих новостях, я сидел на матрасе, крепко сжимая его края. Эмбер выходит замуж. За Дэниэла. Я сделал глубокий вдох, и мускулы в моей груди так напряглись, что я боялся, как бы они не порвались. Я подумал об Уитни, потом вспомнил, что она уже уехала на лето к родителям.

Я встал с постели и принялся расхаживать между моей крохотной спальней и гостиной, стараясь унять сердцебиение.

– Черт! – громко сказал я.

Если я не мог заняться сексом, мне нужно было найти другой способ унять зашкаливавший адреналин. Я взял отгул на работе, чтобы пойти к Эмбер на праздник по случаю окончанию университета. Начало торжества было намечено лишь на три часа, так что я достал пару спортивных шорт, футболку и кроссовки. Потом схватил смартфон, ключи и направился к выходу.

Всего после десяти минут бега мое дыхание стало затрудненным, а сухожилия стали требовать, чтобы я остановился. Но я впился ногтями в ладонь и заставил себя продолжать. На улице было пасмурно и прохладно, но все равно капли пота начали стекать у меня по лбу, попадая в глаза и заставляя их слезиться. Я вытер пот, останавливаясь на углу оживленной улицы и ожидая зеленого сигнала светофора. И тут я заметил пристальный взгляд хорошенькой блондинки. Я тут же подумал, как легко будет пригласить ее на чашку кофе, а потом и на праздник к Эмбер. Может быть, то, что со мной будет девушка, сделает знакомство с Дэниэлом более легким. И нужно-то всего лишь несколько комплиментов и двусмысленных шуток. Несмотря на то, что в детстве я был очень замкнутым, став взрослым, я уже не испытывал трудностей с тем, чтобы подцепить девчонку. Когда я вырос и набрал вес, все резко изменилось. И хотя я был по-прежнему довольно молчаливым, большинство женщин тут же предполагали, что я сильный и сдержанный мачо, который ищет свою суженую. Но учитывая то, что я по-прежнему боролся с приступами паники, я не чувствовал себя сильным. Горькая правда заключалась в том, что мне не нужно было никого искать. Я и так уже знал, кто моя вторая половина.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

1 фунт = 0,4536 кг (здесь и далее примечания переводчика).

2

1 фут = 12 дюймов = 30,48 см. 1 дюйм = 2,54 см.

3

Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

4

Примерно один градус тепла по Цельсию.

5

Около 29,5 градуса Цельсия.

6

1 унция = 28, 3495 г.

7

Национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая.

Купить: https://telnovel.com/hatvani_emi/tak-sluchaetsya-vsegda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)